
М. В. РЕЙЛИ

РАССКАЗЫ О ЛЮДЯХ — НОСИТЕЛЯХ
МАГИЧЕСКОЙ СИЛЫ И ЗНАНИЙ

(ПО МАТЕРИАЛАМ РО ИРЛИ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ) РАН)

Тематическая подборка публикуемых текстов составлена по материалам экспедиций, предпринимавшихся для изучения истории и культуры разных регионов России и разных периодов с 1915 до начала 1970-х гг. Материалы хранятся в Рукописном отделе ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Пласт верований и мифологических рассказов, связанных с народной магией, магическим этикетом и людьми, которым приписываются особые знания и способность активно влиять на окружающий мир, оказался меньше, чем предполагалось. Это вызвано, вероятно, сложностями записи и транслирования подобного материала, связанными с идеологическими установками советского периода. С одной стороны, собиратели не проявляли осознанного и активного интереса к подобному материалу (множество экспедиций не записывали его вовсе), с другой — исполнители либо испытывали страх, что подобная информация может быть использована им во вред, либо, излагая ее, придерживались критического тона, сопровождая повествование ремарками, заставляющими усомниться в реальности происходящего.

В рамках представленного архивного и привлеченного для сравнения опубликованного материала носители магических знаний традиционно подразделяются на несколько категорий. Первая группа — люди, владеющие магическим знанием на бытовом уровне. Это использование различных магических приемов, знание простейших оберегов от сглаза и порчи (№ 28) и заговоров для увеличения удоя у коров (№ 39), для избавления от гадов (ядовитых змей) (№ 49) и т. п. К этой категории можно отнести практически все взрослое население. Вторая группа — знахари (обычно целители, ориентированные на церковную традицию, пользующиеся в целительской практике молитвой и именем Божиим), и третья — колдуны и тождественные им ведуны / ведьмы (люди, связанные с нечистой силой всех видов, отрекшиеся от Церкви, Бога, сознательно попирающие христианские атрибуты, обращающиеся в заклинаниях за помощью и поддержкой к Сатане и другим представителям нечистой силы), магическая сила которых считается практически неограниченной («Вот что только он захотит сделать, то обязательно и отчибучит» (№ 2)).¹

При этом в опубликованных ниже материалах встречаются только такие номинации «знающих», как *колдуны* (*колдуньи*), «*волишебны люди*» (№ 7), *ворожейки* (№ 24), *ведьмы* (№ 28), а также названия, имеющие двойственное значение: с одной стороны — бытовое, с другой — сакрально значимое: *дед*, *стару-*

¹ См.: Харитонова В. И. Традиционная магико-медицинская практика и современное народное целительство: Статьи и материалы / РАН. Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М., 1995 (Рос. этнограф; [Вып.] 23). С. 11—13; Ср.: Сахаров И. П. Сказания русского народа. СПб., 1885 [Кн. 1]: Русское чернокнижие. Русские народные игры, загадки, присловья и притчи. Репринт. изд.: М., 1997. С. 13; Криничная Н. А. Русская народная мифологическая проза: Истоки и полисемантизм образов. Петрозаводск, 2000. Т. 2: Былички, бывальщины, легенды, поверья о людях, обладающих магическими способностями. С. 8—27; Никитина А. В. Русская демонология. СПб., 2006. С. 260, и др.

ха, бабка, бабушка и т. п., — в которых обращает на себя внимание «возрастной ценз», — все это люди преклонного возраста («Большинство старые были колдунами» — № 19). Четкое разделение между данными персонажами рассказов (на «темных» и «светлых») в зависимости от их номинации отсутствует.

Кроме того, у колдунов существует своя *иерархия*: «Так вот, колдуны разные бывают. Котóры над колдунами колдуны, котóры колдунишки» (№ 10).

Особая роль в колдовской практике принадлежит *слову*.

Д. К. Зеленин пишет: «Колдунами были некогда, по-видимому <...> лишь люди, обладавшие силою мана в большей степени, нежели другие. Но в наше время колдуны — люди, которые заключили специальный договор с нечистой силой, с чертями. <...> Человеку в силу договора предоставляется в полное распоряжение заветное и всесильное „слово“. Это слово служит как бы паролем или условным знаком, по которому вся разрозненная нечистая сила опознает друг друга и соединяется воедино для оказания взаимной помощи на борьбу с предстоящим препятствием. Перед таким „словом“ теряют свою силу всякие заговоры и заклятья, равно как и церковные богослужения. Никакие замки и запоры не могут устоять перед таким „словом“: они либо сами собой отпираются, либо ломаются <...> „Знает слово“ — это обычное выражение о чародее у всех восточных славян <...>»² (ср.: «Пошли мы к Василию Иванову, он *сказал слово* и прогнал „хозяина“. Потом он пришел снова, но лошадь больше не трогал. Везде слова нужны» (№ 44); «Пихнули его на дорогу, а он тихонько так говорит: „Нé далёко и вы уедете“, — да спустил им *словечко*» (№ 7); «потом позвали бабушку, она *слово знала*, вылечила их» (№ 8)).

Колдун в традиционном мировосприятии сам является скорее мифологическим существом, нежели человеком. Он непосредственно связан с магией и служит посредником между миром людей и вещей, таинственным миром явлений природы и их «хозяев». В христианском осмыслении это человек, вступивший в союз с нечистой силой, которая служит источником его сверхъестественных способностей (см. № 1, 5). Обладая изначально человеческой природой, в обычной, повседневной, жизни он может не отличаться от других людей ни внешним обликом, ни условиями жизни. Хотя существуют характерные особенности внешности, без которых человек просто не может ни стать колдуном, ни остаться им (например, наличие зубов: «Колдун должен всегда, чтобы зубы были у него. Без зубов это — уже не колдун, у него все будет недействительно <...>»³), а также ряд признаков, которые указывают на некоторую врожденную предрасположенность к колдовству (например, врожденные уродства, родимые пятна определенной формы и на определенных местах и т. п.).

Одни считают, что колдуны и ведьмы ненавидят людей («Вот эти ведьмы, они людей ненавидят. Они прямо людям в глаза смотреть не будут. У них глаза: вроде она смотрит, а глаза куда-то в сторону. Она просто мучится всю жизнь, если она знает че-то нехорошее»⁴); другие утверждают: «Колдуны и добрые бывают, не только злые» (№ 3). Таким образом, очевидно, что предложенная классификация носит неполный и условный характер.

В материалах присутствуют представления о том, что колдуном можно родиться; можно стать, перенея силу у умирающего колдуна (что иногда считается большим несчастьем, так как иной раз происходит помимо воли человека, вынуждая его полностью менять образ жизни) либо пройдя длительное обуче-

² Зеленин Д. К. Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии. Ч. 2 // Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР. Л., 1930. Вып. 9. С. 10 (далее: Зеленин 1930).

³ Памятники русского фольклора Водлозерья: Предания и былички / Изд. подгот. В. П. Кузнецова. Петрозаводск, 1997. С. 123 (далее: Предания 1997). С зубами, как и с волосами, связаны представления о наличии у человека жизненной силы, без которой никакая магия и колдовство невозможны.

⁴ Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / Сост. В. П. Зиновьев. Новосибирск, 1987. С. 264 (далее: Зиновьев 1987).

ние: непосредственное, с последующим перениманием силы (посвящением), или книжное (видимо, более поздний вариант, имеющий и другие следствия: «Колдун по книгам учится, а рождается-то не колдуном». — № 1). Посвящение в колдуны может происходить в бане, на перекрестке, на кладбище: «Это отец говорил мой, как колдуны научились: сначала должны пройти экзамен у этого самого колдуна. Начинает его инструктировать. Несколько ночей (*продолжается экзамен*). Наставит ножом лезвием сверху и через них кувыркайся. Будет представляться ему огненная пасть какая-нибудь, и ты не бойся, если путь, иди туда» (№ 2),⁵ а может совершаться и без «экзотики», простой передачей силы «из рук в руки». Для посвящаемого в колдовское искусство существовал ряд запретов: запрет *бояться* (№ 1);⁶ *оглядываться* после обряда перенимания колдовства;⁷ *прерывать процесс перенимания колдовства*, если он уже начался.⁸

Обособленное положение колдуна в социуме подчеркивалось запретами, существующими как для самих колдунов (и только для них!), так и для членов социума по отношению к подобным «знающим».

Так, например, колдуны *не имеют права произносить имя Божье, совершать крестное знамение*;⁹ у коми колдуны *не могут смотреть на солнце и в глаза обычного человека* (ср. с запретом поднимать глаза от земли, существующим в монашеской среде).

Многочисленны былички, в которых запреты, обереги и предписания диктуют уважительное отношение обывателей к «знающим». Это продиктовано не столько нравственным чувством, сколько страхом перед колдуном и перед теми несчастьями, которые тот может навлечь на человека.

Так, нельзя *обижать колдунов грубым словом или действием* (№ 7), *жадничать, в том числе при расчете с ними за услуги* (№ 20); *нельзя ничего принимать из рук умирающего колдуна — передаст свою силу, а вместе с ней и связь с нечистыми* (№ 4, 5); *запрет переходить колдуну дорогу*;¹⁰ *запрет отказывать в просьбе накормить или напоить (чаем)*;¹¹ *запрет смеяться над колдуном во время его взаимодействия со стихийными силами*;¹² *запрет смеяться над чужим уродством*; *запрет ходить в одни сутки к двум и более колдунам*;¹³ *запрет оглядываться назад и разговаривать по пути из леса при отведывании скотины*;¹⁴ *запрет называть колдуна (ведьму) по имени*;¹⁵ *запрет на сообщение собственного имени*;¹⁶ *запрет рассказывать кому-либо о лечении «испор-*

⁵ Ср.: Предания 1997. № 119, 121; Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / Сост. и коммент. О. А. Черепановой. СПб., 1996. № 305 (далее: Черепанова 1996).

⁶ Ср.: Зиновьев 1987. № 255; Предания 1997. № 121.

⁷ Предания 1997. № 121. — Ср. тот же мотив, например, в мифе об Орфее и Эвридике, а также в русских мифологических рассказах, сказках, заговорной и бытовой магической практике.

⁸ Зиновьев 1987. № 260, 255; Черепанова 1996. № 305.

⁹ Фишман О. М. Социокультурный статус и ритуальное поведение «знающих» в Тихвинском крае (из полевых наблюдений) // ЖС. 1994. № 4. С. 24—25.

¹⁰ Зиновьев 1987. № 333.

¹¹ Там же. № 334.

¹² Там же. № 367, 368.

¹³ Предания 1997. № 74—76.

¹⁴ Там же. № 84.

¹⁵ «У русских отмечен лишь частичный запрет на один день недели: в среду нельзя разговаривать про ведьм, ибо они про это узнают, и тогда ночью будут пугать, превратившись в собаку <...> Но обилие подставных имен для ведьмы и для колдунов, а равно и самая природа этих имен не оставляют сомнения, что запреты имен колдуна и ведьмы были распространены широко и лишь не зафиксированы авторами» (Зеленин 1930. С. 111, 112).

¹⁶ «Кто желает быть свободным от всяких чар, тот не должен никому сообщать своего имени <...> Русские колонисты на Северном Кавказе держатся правила: „при встрече с недругом не сообщай ему своего имени, чтоб он не овладел тобою“ <...>» (Зеленин 1930. С. 123).

ченного» животного;¹⁷ запрет обращаться с колдуном непочтительно (№ 5, 7, 12, 14) и др.

Так как колдун считается опасным и после смерти, он сам и место его захоронения также продолжают окружаться запретами и предписаниями: *запрет рассказывать о встрече с покойником-колдуном — язык отнимется*;¹⁸ *запрет уносить что-либо с могилы колдуна или пакостить на ней — сойдешь с ума*;¹⁹ *запрет находиться в одном помещении с колдуном в момент его смерти или сразу после нее*²⁰ и т. д. Здесь следует отметить, что большая часть подобных предписаний относится ко всем умершим, что обусловлено как культом предков, так и страхом перед ними как носителями смертного, враждебного жизни начала.

В ряде случаев колдун (ворожея) выступает в роли посредника между человеком и миром природы, воплощенном в образах «хозяев» (лешего, водяного и др. — № 25). Здесь как нигде проявляется мифологическая природа самого образа колдуна, его власть над животными, стихиями и др.

Враждебные действия колдуна по отношению к окружающим являются, как правило, следствием несоблюдения негласного кодекса правил, регламентирующих взаимоотношения колдуна и остальной общины, или игнорирования мер предосторожности.

Часть из них мотивирована поведением человека и носит оттенок наказания за жадность, грубость и т. п. Так, колдун *отказывает в помощи в отведывании пропавшей скотины* («В той деревне потерялось одиннадцать штук овец, ягнят. Вот к колдунье и пошли. <...> Вот девушки-то кто там сколько яиц дал. А одна тетка и говорит: „У меня нету яиц, я одно яйцо дам“. А сама положила яйцо в общую кучу, да потом и взяла его обратно. А когда пришли за ягнятами, всем отдали, пришли ягнята, а этой женщине колдунья и говорит: „<...> а зачем ты яйцо обратно взяла? Теперь ничего не получишь“. Так она и осталась ни с чем»²¹), *насылает порчу, «сажает килы»* (№ 15—17, 19—24, 26, 30), *надевает хомут²² на скотину и на людей за то, что его (ее) дразнят, ругают, обзывают, воруют у него (нее)*,²³ *«тренируется» на соседях или скотине в колдовском деле, надевая хомут*,²⁴ *«закрывает» след человека или скотины* (№ 26),²⁵ *насылает морок, затуманивает глаза*,²⁶ *пугает людей, скот, оборачиваясь птицей,*

¹⁷ Зиновьев 1987. № 377.

¹⁸ Там же. № 407.

¹⁹ Там же. № 408. — Этот же запрет распространяется на могилы любых покойников.

²⁰ Там же. № 407.

²¹ Рейли М. В. Северные поверья и рассказы // Русский фольклор: Материалы и исследования. СПб., 2004. Т. 32. С. 419. № 140 (далее: Рейли).

²² Хомут — вид порчи: «...боль, именуемая хомутом, зарождается в человеке всегда от порчи, потому что есть такие „знатки люди“, которые могут, конечно со зла, „надевать хомут“ не только на людей, но и на животных — коров, лошадей, собак и др. Будто бы плетут из нитки или гасника какие-то кольца, сплетаячи наговаривают; с наговором затем плетень бросают на то место, где должен пройти тот, на кого желают надеть хомут. Достаточно, говорят, перешагнуть через этот плетень, имеющий приблизительное сходство с обыкновенным хомутом, или взять его в руки — непременно захворает „хомутом“. „Снять хомут“ (избавить от него) могут только такие „знатки люди“, которым знаком отговор, читающийся только от хомута; без него, по общему заверению, никакими снадобьями не излечишься от этой хвори...». На головы этих людей всегда призываются проклятия и высказываются пожелания, чтобы перед смертью им, наравне с колдунами, «задрало ноги кверху» (Макаренко А. Материалы по народной медицине. Ужурской волости, Ачинского округа, Енисейской губ. С приложением сборника народно-медицинских средств. Той же волости. СПб., 1897. С. 21) (далее: Макаренко 1898).

²³ Зиновьев 1987. № 184, 186—191, 193, 197, 237, 277, 279, 295, 297—299, 372, 373, 376, 379; Предания 1997. № 113.

²⁴ Там же. № 194, 199.

²⁵ Ср.: Рейли. № 142, 143, 146.

²⁶ Зиновьев 1987. № 236, 326—331, 361; Черепанова 1996. № 312; Предания 1997. № 114.

чушкой, лошадью, после чего те заболевают с испуга,²⁷ насылает различных животных (змей, лягушек, борова),²⁸ портит двор, скотину (№ 23, 28), овощи, пускает по ветру «слова»,²⁹ привораживает людей,³⁰ «сглаживает» людей, скотину (№ 27),³¹ заставляет людей совершать разные поступки вопреки их воле,³² вредит в домашнем хозяйстве (отбирает молоко у коров (№ 22, № 5 — «носак носит»),³³ пережинает поля (№ 37),³⁴ ворует сено на Великий четверг;³⁵ «на Иванов день колдунам надо что-нибудь натворить обязательно»: бреет и мажет дегтем поросенка,³⁶ «ладит» ружье охотнику, так что тот не может застрелить дичь,³⁷ напускает на скотину домового³⁸), после смерти ходит по ночам по дому,³⁹ покойник-колдун гонится за своим знакомым, чтобы разорвать его.⁴⁰

При этом действия колдуна по отношению к человеку мотивированы далеко не всегда и могут быть продиктованы его собственными симпатиями или антипатиями, или чьей-то просьбой навредить кому-либо, или просто необходимостью дать работу обслуживающим его чертям.⁴¹

Особое место занимают повсеместно распространенные рассказы о порче свадьбы и молодых, а также о состязании дружек-колдунов. Основные мотивы в этом цикле рассказов следующие: колдун *портит свадьбу* (один колдун-дружка берет верх над другим — № 7, 10—12; ср.: рассказы о состязании колдунов-дружек — № 10, 13, 14),⁴² *портит молодых* (№ 8, 9, 11, 12),⁴³ *подшучивает над свадьбой*,⁴⁴ *останавливает свадебный поезд* (№ 2, 14),⁴⁵ *превращает в волков*: парня, который отказывается жениться на его дочери,⁴⁶ весь свадебный поезд,⁴⁷ *портит девушку за то, что та отказывается сватам*.⁴⁸

Зачастую колдуны помогают людям в их бытовых нуждах. Они *отведывают людей и скотину* (№ 25, 26, 46),⁴⁹ *договариваются с духами-хозяевами, прежде всего с лешим, и впоследствии помогают пастуху* (№ 28, 29, 31; такие сюжеты тесно смыкаются с рассказами об «отпуске» пастуха) *либо охотнику* (№ 34),⁵⁰

²⁷ Зиновьев 1987. № 224, 227—229, 233.

²⁸ Там же. № 238, 239, 241, 242, 335, 341, 342.

²⁹ Там же. № 192.

³⁰ Там же. № 211, 212, 280, 281.

³¹ Там же. № 196, 209.

³² Там же. № 331—333; Предания 1997. № 114.

³³ Ср.: Черепанова 1996. № 319; Зиновьев 1987. № 198, 200, 201, 251, 252, 373, 374, 377, 382.

³⁴ Ср.: Черепанова 1996. № 316—318.

³⁵ Зиновьев. № 253.

³⁶ Там же. № 254.

³⁷ Там же. № 273.

³⁸ Там же. № 243.

³⁹ Там же. № 259, 383.

⁴⁰ Там же. № 407.

⁴¹ «...Приходят дьяволы к Василию и просят у него работы. <...> „Да ты нам вели какова и человека испортить, а этой работой только ты нас измучишь”. Но, конечно, знакомова друга, али сросвенника испортить жаўко, вот он и посылает их к ворогу своему, на кого сердится...» (Бурцев А. Е. Полное собрание этнографических трудов. СПб., 1910. Т. 3. Вып. 10. С. 85—86; ср.: Там же. СПб., 1910. Т. 2. Вып. 5. С. 33—36 (далее: Бурцев); Черепанова. № 340—343).

⁴² Ср.: Бурцев. Т. 2. Вып. 5. С. 32—33; Соколовы Б. и Ю. Сказки и песни Белозерского края. М., 1915. № 30 (далее: Соколовы 1915); Зиновьев 1987. № 285—301, 304, 306, 311, 313, 315; Черепанова 1996. № 329.

⁴³ Ср.: Предания 1997. № 112—114, 117, 129, 130; Черепанова 1996. № 329, 332, 335.

⁴⁴ Зиновьев 1987. № 302, 303, 309, 310.

⁴⁵ Ср.: Предания 1997. № 116; Черепанова 1996. № 329, 330.

⁴⁶ Зиновьев 1987. № 370.

⁴⁷ Там же. № 332.

⁴⁸ Предания 1997. № 126.

⁴⁹ Ср.: Зиновьев 1987. № 319, 353; Предания 1997. № 74—79, 81, 82, 84, 85, 87.

⁵⁰ Бурцев 1910. Т. 1. Вып. 1. С. 62—63; ср.: там же. Т. 2. Вып. 5. С. 26—27; Черепанова 1996. № 300—302.

следят за тем, чтобы свадьба «ладом прошла»⁵¹ (колдун-дружка,⁵² отпуск дружки⁵³), помогают перегнать скотину на новое место, чтобы она там прижилась, прогоняют домового «хозяина» (№ 44), управляют другими домашними животными, рассказывают, что надо сделать, чтобы корова не убежала из дому,⁵⁴ вступают во взаимодействие со стихиями (ветром,⁵⁵ тучами,⁵⁶ огнем⁵⁷), управляют животными (кошками,⁵⁸ собаками,⁵⁹ осами,⁶⁰ змеями (наказывают тех, которые укусили человека),⁶¹ червями⁶²), «снимают тоску» от змеиногo укуса (№ 45), навораживают богатство и благополучие,⁶³ «скрепляют» неблагополучные семьи (№ 42), излечивают (неизлечимые, по мнению врачей) болезни у людей и животных (№ 3, 47),⁶⁴ снимают порчу со скота (№ 23, 24) и людей, охраняют имущество, «завораживают» грабителей (№ 33),⁶⁵ «приговаривают» девушку к парню,⁶⁶ «улетают в духа», чтобы узнать, что происходит в данный момент в доме у мужика,⁶⁷ состязаются в искусстве с другими колдунами (№ 10, 14, 23, 24), в том числе «ладят на залом на скота»,⁶⁸ «изводят хомутницу».⁶⁹ Кроме того, колдуны гадают, предсказывая судьбу.⁷⁰

Древнейшие мифо-религиозные представления отражают былички о колдунах-оборотнях⁷¹ (ср. тот же мотив в сказках и былинах). Силу для оборотничества колдуны берут от земли⁷² или используют простое «перевертывание», «перекидываясь» через ножи, палки и т. п. Превращаться они могут в различных

⁵¹ Зиновьев 1987. № 307; Предания 1997. № 115.

⁵² Зиновьев 1987. № 282, 285, 286, 289, 291, 294, 300, 303—305, 308—311, 313, 316, 317; Предания 1997. № 123.

⁵³ «Дружко наговаривает жениху, когда помоются в бане накануне отъезда к невесте, и всему свадебному поезду, перед зажженными восковыми свечами дружко шепчет: „Встану я, раб Божий (имя жениха), благословесе, пойду, перекрестесь, из дверей в двери, из ворот в ворота, во чистое поле, на восток, под восточну сторону, оболокусь походячим оболоком, опояшусь белой зарей, обычусь частыми звездами, часты звезды по косицам. Кто может часты звезды пересчитать, тот может меня, раба Божьяго (имя жениха), взять; кто может красное солнце переглядеть, тот может меня, раба Божьяго (и. р.), взять. Ездил батюшко Михаил Архангел со своей силой небесной, с Кириком-Улитой, с Егорией Храбрым. Стерегите, берегите меня (и. р.) на всякий день, на всякий час от колдуна-колдуницы, от еретика-еретицы, от одноглазого, от разноглазого, от косозубого, от беззубого, от безволосого, от редковолосого, от девки-пустоволоски, от бабы-головолоски. Секите, рубите, до меня, раба Божьяго (и. р.), близко не допущайте. Аминь”» (Макаренко 1898. С. 391—392).

⁵⁴ Макаренко 1898. С. 375.

⁵⁵ Там же. С. 367.

⁵⁶ Там же. С. 368.

⁵⁷ Там же. С. 274.

⁵⁸ Там же. С. 240.

⁵⁹ Зиновьев 1987. № 352—361.

⁶⁰ Предания 1997. № 118.

⁶¹ Там же. № 336—344, 346—351, 360; Предания 1997. № 87.

⁶² Зиновьев 1987. № 369.

⁶³ Там же. № 362.

⁶⁴ Ср.: Там же. № 265—270, 272, 275, 363, 371—374, 376, 377, 380, 382; Черепанова 1996. № 347, 351.

⁶⁵ Зиновьев 1987. № 322—325.

⁶⁶ Предания 1997. № 118.

⁶⁷ Зиновьев 1987. № 364.

⁶⁸ Там же. № 378.

⁶⁹ Там же. № 379.

⁷⁰ Там же. № 320.

⁷¹ См., например: Никитина Н. А. К вопросу о русских колдунах [1928] // Русское колдовство: Сб. СПб., 1997. С. 13.

⁷² «...При обрядовом прикосновении к земле, соединенном обычно с некоторым насилем над землею, земле передается болезнь человека, и от земли одновременно воспринимается та или иная сила — физическая сила для аграрных и иных работ, сила оборотничества (превращений) или сила для произрастания целебных и иных растений (...)» (Зеленин 1930. С. 25).

животных: в кошку (№ 39),⁷³ собаку (№ 39),⁷⁴ свинью,⁷⁵ лошадь,⁷⁶ волка (белого),⁷⁷ медведя,⁷⁸ птицу (в частности, сороку),⁷⁹ мышь, крысу,⁸⁰ гадюку,⁸¹ жабу, лягушку.⁸²

Жизнь колдуна может быть связана с деревом: «А у нас вот старик был на Вылысове, Корнюша-то, дак говорит: „Пока эта ель не падет на наволоке, дак я не помру”. Ель пала, ведь ён помер. А ель не пала пока, не помер. Он засичен был в ель, засичено колдовство: ель падё — он помрёт, а ель не падё пока, он живой».⁸³

В основном мотив оборотничества колдунов встречается в текстах межжанрового характера, но некоторые былички свидетельствуют о существовании веры в способность человека превращаться в животных (см., например, реплику: «Рассказывали раньше-то, что овяргывались животными люди, а нынче-то машины делают, а овернуться не могут!»⁸⁴).

Ведьмы и колдуны способны вынимать ребенка или теленка и др. из материнской утробы, превращаясь в сорок-вещеек (после чего последние вылетают в печную трубу⁸⁵), заменяя ребенка головешкой⁸⁶ либо веником-голиком.⁸⁷ Они жарят и едят похищенных детей (№ 40).

Если для колдунов не актуальны запреты, существующие для обычных людей по отношению к мифологическим существам (они не избегают, а, напротив, активно ищут контакта с природными духами), то тем строже правила, которые они должны соблюдать, вступая в договорные отношения с представителями «иномирья», и тем лучше они должны знать приемы и обереги, которые

⁷³ Ср.: Соколовы 1915. № 161; Зиновьев 1987. № 231, 236, 243.

⁷⁴ Ср.: Соколовы 1915. № 161; Зиновьев 1987. № 226, 234, 253, 282, 283.

⁷⁵ Соколовы 1915. № 161; Сказки Терского берега Белого моря / Изд. подгот. Д. М. Балашов. Л., 1970. № 116 (далее: Балашов 1970); Зиновьев 1987. № 221—226, 233, 253, 284; Черепанова 1996. № 315.

⁷⁶ Зиновьев 1987. № 228.

⁷⁷ Карнаухова И. В. Сказки и предания Северного края. М.; Л., 1934. № 129, 128 (далее: Карнаухова 1934); Зиновьев 1987. № 255. — Д. К. Зеленин пишет: «Во всех почти поверьях о волке ярко сквозит представление о демоническом характере этого животного — о тесной его связи с нечистой силою. (...) Более чем вероятно такое предположение: табу убивать волка обычными охотничьими орудиями имеют в виду то обстоятельство, что среди волков преобладают оборотни и волкодлаки; если в волка превратился злой дух или колдун, то обычное орудие его не возьмет; если же это превращенный человек (...) то при ударе палицею и при поимке арканом он должен превратиться вновь в человека» (Зеленин 1930. С. 32—33).

⁷⁸ Соколовы 1915. № 30; Зиновьев 1987. № 255; Черепанова 1996. № 336—339.

⁷⁹ Зиновьев 1987. № 227, 229, 230, 232, 242, 244—246, 362.

⁸⁰ «Мышь — прежде всего „животное-душа”» (Клинггер В. Животное в античном и современном суеверии. Киев, 1911. С. 279, 448). Ефименко пишет также: «...в мышь и в крысу превращаются также оборотни и ведьмы. (...) Вот почему у русских „мышь применена как бы к черту”; она нечиста и оскверняет все, к чему только прикоснется или что обнюхает (...) Подобно змее, но в противоположность волку, мышь считается у русских дурным предзнаменованием, предвещающая несчастье» (Ефименко П. С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. Ч. 1: Описание внешнего и внутреннего быта // Известия ИОЛЕАиЭ. М., 1877. Т. XXX: Труды Этнографического отдела. Кн. V. Вып. 1. С. 163, 175, 189 (далее: Ефименко 1877)).

⁸¹ Ефименко 1877. С. 255.

⁸² Черепанова 1996. № 294. — Д. К. Зеленин пишет: «Жаба считается дурным предзнаменованием, несмотря на то что она часто считалась символом женской плодovitости (...) Взгляд жабы имеет дурное воздействие на человека (...) Образ жаб часто принимают чародейки (...) и у галицких украинцев мы находим одно и то же название для жабы и для колдуньи (...) Вообще жаба — ярко выраженное хтоническое животное, гораздо в большей степени, нежели лягушка. В народе строго отличают жабу от лягушки» (Зеленин 1930. С. 52).

⁸³ Предания 1997. № 127. — Ср. античных дриад.

⁸⁴ Балашов 1970. № 116.

⁸⁵ Зиновьев 1987. № 213—220, 318.

⁸⁶ Там же. № 215.

⁸⁷ Там же. № 216, 247.

могут их защитить. В первую очередь это точное *соблюдение ритуала* при обращении к высшим силам.⁸⁸

Второе необходимое условие благополучного исхода отношений колдуна с силами «иноного мира» — *сдача колдовства (силы) перед смертью*: «А когда колдун умирает, то должен передать свое знание кому-нибудь, иначе мучиться очень долго будет. До тех пор будет мучиться, пока не передаст свое производство, или надо поднимать конек (крыши)» (№ 4, ср. № 5).⁸⁹ Примечателен также встретившийся нам текст, где старуха-пережинщица не могла умереть, «пока кубарь соломы в ручейке снесло и пока ету солому не размыло и не унесло (...) Унесло водой ее грех — и померла» (№ 37). В данном примере подчеркивается, как видим, очистительная сила воды.

Колдун должен уметь дать нечистой силе невыполнимую или трудновыполнимую работу: «*вязать (плести) веревку из песка*» (№ 1, 29),⁹⁰ *поставить кол, чтобы «полон песку был наношен»* («...А ведь песок стане носить, ведь он осыпается, разве тут наносишь? Вот ему какая работа надо давать, хозяину. Дак он не буде ходить»⁹¹), *изрубить, «растюкать» голик, раскидать его и заставить собирать*,⁹² *выбросить на двор льняное семя и заставить собирать, заставить считать пеньки в лесу, считать хвою в лесу*⁹³ и т. п.

Для обывателей тоже существует огромный спектр магических предметов и других средств защиты от колдунов. Часть из них соотносится с христианскими оберегами от нечистой силы вообще (*крест*,⁹⁴ *молитва «Да воскреснет Бог и расточатся врази Его»* (№ 18) или «*соловецким угодникам*», *поповское проклятие*,⁹⁵ «*зааминивание*»⁹⁶ и т. п.), часть восходит к гораздо более древним верованиям (*мат* (но чтобы колдун(ья) не слышал(а),⁹⁷ *нанесение колдуну (оборотню) телесных повреждений* (раскраивают колдунье нос,⁹⁸ бьют топором по лапам и по языку,⁹⁹ чушку-оборотня бьют «наотмачь»,¹⁰⁰ подковывают ведьму, обернувшуюся лошадью,¹⁰¹ «скарауливают» в Великий четверг оборотня и отрубают ему лапы,¹⁰² бьют «по тени»,¹⁰³ выкалывают глаз изображению колдуна в воде — № 21—23¹⁰⁴)), *закрывание трубы на ночь от сорок-вещеек*,¹⁰⁵ *применение неодолим-травы*,¹⁰⁶ *тремякратное обмахивание коней (свадебного поезда) плеткой*,¹⁰⁷ *угощение колдуна, проявление уважения к*

⁸⁸ См.: «Для воздействия на силы природы и на людей чаще произносятся не обыкновенные слова, а специальные формулы, которые действительны только при точнейшем соблюдении текста, а равно при соблюдении условий места, времени и произносящего лица. Не только присяга, заклятие и молитвы действительны лишь при соблюдении этих формальных условий, но и всякого рода пожелания, приветствия, формулы народной медицины и т. п. (...) По представлениям шаманистов, эти слова-формулы имеют неотразимое действие на духов. Произносящий эти слова-формулы без надобности рискует тем, что дух услышит и разгневется на то, почему его призывают без дела (...)» (Зеленин 1930. С. 11).

⁸⁹ Ср.: Предания 1997. № 128; ср.: Черепанова 1996. № 323—325.

⁹⁰ Ср.: Черепанова 1996. № 340.

⁹¹ Предания 1997. № 77.

⁹² Там же. № 124; ср.: № 4.

⁹³ Там же. № 343.

⁹⁴ Бурцев 1910. Т. 1. Вып. 8. С. 150—151.

⁹⁵ Там же. Вып. 2. С. 87—89.

⁹⁶ Зиновьев 1987. № 230.

⁹⁷ Там же. № 203.

⁹⁸ Там же. № 207.

⁹⁹ Черепанова 1996. № 294.

¹⁰⁰ Зиновьев 1987. № 222, 223.

¹⁰¹ Там же. № 228.

¹⁰² Там же. № 234; ср.: Карнаухова 1937. № 129.

¹⁰³ Зиновьев 1987. № 223, 227, 232.

¹⁰⁴ Черепанова. № 288, 290.

¹⁰⁵ Зиновьев 1987. № 213.

¹⁰⁶ Там же. № 243.

¹⁰⁷ Там же. № 291.

нему,¹⁰⁸ отведение колдовства на какой-либо предмет (столб),¹⁰⁹ молочение жерновом в обратную сторону с произнесением заговора для отворота скотины,¹¹⁰ окуривание «куриным дерьмом» (№ 18),¹¹¹ вбивание осинового кола (№ 38),¹¹² подрезание пяток (или жил) у колдуна после смерти и натаскивание туда мелко нарезанной щетины, чтобы не вставал по ночам; перекладывание мертвеца-колдуна в другую могилу; захоронение колдунов в «провалах под землей», откуда «уже им возврата на землю нет» (ср. тот же мотив в сказках), во мху (№ 38); кочерга, ухват, поставленные «кверху рожками» (№ 18),¹¹³ булавы, иглы, воткнутые в одежду или в стол,¹¹⁴ ножницы, воткнутые в порог,¹¹⁵ вода,¹¹⁶ жернова,¹¹⁷ необыкновенная пуля, в том числе отлитая из медного креста,¹¹⁸ соль,¹¹⁹ воск,¹²⁰ борона,¹²¹ обращение за помощью к более сильному колдуну.¹²²

Особое место занимают рассказы и сведения, касающиеся «мифологических» профессий: лесник («лесовик сторож» — № 35), охотник (№ 34), пастух (№ 28—32), рыбак, мельник, пасечник, кузнец, плотник (№ 36), печник и др., представители которых считаются колдунами по определению, так как вступают в договорные отношения с духами-хозяевами — покровителями данных профессий (охотник, пастух, лесник — с лешим, рыбак, мельник, пасечник — с водяным и т. п.), обладают властью над ними (кузнец — над чертями), сами обладают некими магическими знаниями в силу своего ремесла (плотник, печник).

Анализируя этот материал, следует помнить, что специальные знания о способах и правилах контакта с мифологическим существом всегда хранились в тайне теми, кто ими пользовался непосредственно. Таким образом, до нас дошли лишь отголоски подобных взаимоотношений, которые мы и встречаем в текстах быличек и заговоров. Но в быличках хорошо отражено то, что знали и думали об этом простые люди, то есть мнение «непосвященных».

¹⁰⁸ Там же. № 285—287, 289, 291—293; Предания 1997. № 75, 87.

¹⁰⁹ Зиновьев. № 303.

¹¹⁰ Предания 1997. № 75, 87.

¹¹¹ См. также: «Окуриванье, как известно, весьма широко распространенное чуть ли не у всех народов мира, — средство очищения. Для окуриванья чаще всего употребляются у разных народов Евразии ветви можжевельника <...> который при горении дает специфический запах. <...> По немецкому воззрению, дым окуриванья не выносят ведьмы <...>» (Зеленин Д. К. Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии. Ч. 2 // Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР Л., 1929. Вып. 8. С. 25 (далее: Зеленин 1929).

¹¹² Бурцев. Т. 2. Вып. 8. С. 150—151; Зиновьев 1987. № 245, 383. В связи с этим поверьем примечателен текст: «В Олонецком Заонежье существовала поговорка: Заклятого человека от дому отделяет только осиновый лист, — смысл которой основан на поверье о том, что заклятые люди <...> могут быть возвращены домой только посредством осинового листа. И. Е. Мандельштам писал, что черти и волкодлаки боятся осины как местопребывания духов. Это происходит <...> оттого, что в осине живут духи умерших предков, которые охраняют свой род. <...> Осина — оберег от русалок, ведьм, „коровьей смерти“, холеры, лихорадки» (Дубровина С. Ю. «Горькая осина...» // Русская речь. 1991. № 3. С. 130—131; ср.: Добровольский В. Н. Данные для народного календаря Смоленской губернии в связи с народными верованиями // ЖС. 1897. Вып. 3/4. С. 374—375).

¹¹³ Ср.: Зиновьев 1987. № 261, 263, 264.

¹¹⁴ Предания 1997. № 113; Черепанова 1996. № 304.

¹¹⁵ Зиновьев 1987. № 262.

¹¹⁶ «...Вода спасает все на свете. <...> А он и сообразил, что воды сильней нет. Вода всех сильнее: ее ником не удержишь, а она все задерживат» (Зиновьев 1987. № 309).

¹¹⁷ Зиновьев 1987. № 310

¹¹⁸ Там же. № 332. — Ср.: «...известное верованье о том, что нечистую силу и близких к ней существ обыкновенная пуля не берет. Восточные славяне стреляют в колдуна только медной или серебряной пулей: иная была бы бесполезна» (Зеленин 1929. С. 32—33).

¹¹⁹ Зиновьев 1987. № 377.

¹²⁰ Там же. № 285.

¹²¹ Хочешь подсмотреть за ведьмой — спрячься за бороной: видно, но безопасно (то же о домовом).

¹²² Предания 1997. № 125, 130; Зиновьев 1987. № 382.

Колдуны сознательно выходят за рамки ограничений и запретов, накладываемых обывателями на отношения с «иным» миром. Тем самым они отчасти выходят за рамки физической реальности, приобщаясь к реальности «иной». Способность колдунов вступать в *договорные отношения* с существами мира духов сближает их с людьми «мифологических» профессий. Однако если для последних договор заключается лишь с *одним* из духов-«хозяев», то колдун, в «широком» смысле этого слова, способен к общению со *всеми* ними, включая *чертей*: ведь он и сам уже одной ногой стоит в их мире. Не случайно запреты, обереги и предписания, регламентирующие отношения обывателей с колдунами, совпадают с таковыми по отношению к другим мифологическим существам. Если для обывателя всегда есть место проявлению случая, судьбы, рока, то для колдуна в большинстве случаев все отношения заданы и предопределены его сознательным выбором.

Колдун — *еще* человек, но человек, *уже* наполовину принадлежащий «другому» миру, властвующий над нечистой силой и одновременно подчиняющийся ей: если мертвецы-предки («родители») и за гробом остаются людьми, то колдун после смерти сам становится представителем нечистой силы, сближаясь в этом с «заложными» покойниками, но полностью утрачивая всякие родовые связи.

При этом к мифологическим персонажам-«хозяевам» народ относится как к чему-то закономерному, внутренне признавая их право на суд или на милость по отношению к человеку. Колдунов же, несмотря на соблюдение внешней почтительности и использование в ряде случаев их знаний и умений в корыстных целях, боится и не любит, мирится с их существованием как с неизбежным злом и при случае жестоко расправляется с ними.

Подводя итог, можно отметить, что круг тем и мотивов, охваченных предлагаемым архивным материалом мифологических рассказов, в целом традиционен: как становятся колдуном, какими способностями колдуны и ведьмы обладают — знают с чертями, с лесным, портят людей и скотину, свадьбы, отнимают молоко у коров, пережинают чужие поля, наказывают за различные проступки, оборачиваются в животных и птиц, привораживают, скрепляют браки, отведывают и отворачивают скотину, отворачивают заблудившихся, прогоняют злых домовых, занимаются целительством. Представлены также мотивы трудной смерти колдунов и «колдовские» профессии: пастух, лесник, пасечник, охотник, плотник, дружка.

Обладание знаниями, недоступными для простого мирянина, приписывалось священникам, на которых зачастую проецировались функции древних волхвов-магов и которые мало чем отличались в этом смысле от колдунов (№ 49), а также людям, отличающимся святостью и способным творить чудеса по Божьей воле и с Божьей помощью. Рассказов о таких людях представлено гораздо меньше. Критерием святости и Божьей милости здесь служат: уединенный, отшельнический образ жизни; помощь, оказываемая благодаря мощам святого; чудесная сила, даваемая по смирению, и т. п.

Присутствует текст о происхождении памятника Петру Первому, где Петр Великий, по словам рассказчика, окончив войну со шведом и введя в России «иноземные порядки», «стал сравнивать себя с Богом», говоря: «Нет ничего невозможного на свете — все может победить человеческий разум». Услышав это, шут Балакирев предложил Петру перескочить на лошади через Неву. Дважды перескочив, Петр сказал: «Все мое да Богово». В результате в тот момент, когда он попытался перескочить в третий раз, «вдруг змея-то обвилась вокруг ног лошади, да лошадь и остановилась так, „на дыбах“, как на памятнике стоит». В данном случае любопытен вывод, который делает рассказчик данного сюжета: «Если бы Петр сказал, што все Богово да мое, так перескочил бы и в третий раз, а то он захотел быть выше Бога, — „мое“ поставил впереди, да Бог и не допустил третьего-то раза перескакнуть» (№ 50).

Встречаются также два не вполне традиционных текста, в одном из которых происходит своего рода противопоставление карающей святой и исцеляющей колдовской силы, где рыбаки отказываются дать рыбы старушке, оказавшейся на поверку «Матерью Божьей». В результате у одного из них отнимается нога, а другой сходит с ума и впадает в беспамятство. Узнав о случившемся, все пребывают в ужасе, особенно жена одного из пострадавших, которую соседи успокаивают тем, «што скоро приведут кол(дунью) Мавру, так она все дела поправит, так как она знакома со всеми нечистыми духами» (№ 47). Так на деле и оказывается.

Другой текст — о святом скоморохе (№ 51).¹²³ В обоих примерах мы наблюдаем стирание границы между темным, «греховным», и светлым, святым, началом, их взаимопроникновение, как это свойственно не дуалистическому еще сознанию.

Подробный анализ таких категорий «знающих», как священники и люди, подвигающиеся на почве молитвенного делания и стяжания Духа Святого, — дело более основательной работы.

ТЕКСТЫ

№ 1

Колдун по книгам учится, а рождается-то не колдуном. У Василия Ивана книга была такая ученая. Эту книгу однажды взял внук его, раскрыл — и набезало в избу полно чертей. Пляшут по всей избе бесята, чертики и говорят: «Дай нам работы!» Парень тут спугался, а они пристают. Спасибо, дед вовремя пришел, а то бы затушили парня. Дед дал им работу, велел вязать веревку из песка. Так и выгнал всех чёртиков из избы.

№ 2

О КОЛДУНАХ

Вот что только он захотит сделать, то обязательно и отчибучит. Вот, поезд остановит (*свадебный*), тогда идут к нему просить отпустить. Это отец говорил мой, как колдуны научились: сначала должны пройти экзамен у этого самого колдуна. Начинает его инструктировать. Несколько ночей (*продолжается экзамен*). Наставит ножей лезвием кверху, и через них кувыркайся. Будет представляться ему огненная пасть какая-нибудь, и ты не бойся, если путь, иди туда.

№ 3

Колдуны и раньше были, да и сейчас есть. В Подсосной деревне Анна Петровна и ребят ладит, и больших в путь ли, не в путь ладит. Колдуны и добрые бывают, не только злые.

¹²³ Сюжет напоминает повесть Лескова «Скоморох Памфалон» (Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 т. М., 1958. Т. 8. С. 174—231), прототипом которой является текст легенды, записанной в 1887 г. в одной из редакций Пролога, хотя и в сильно сокращенном и видоизмененном варианте. К тому же исполнительница (1900 г. р.) в конце рассказа ссылается на «старые книги», в которых говорится о конце света, так что, по-видимому, она обучена грамоте. См. также: Сказки и предания Самарского края / Собр. и зап. Д. Н. Садовниковым. СПб., 1884. № 98: Вавило-скоморох (Зап. ИРГО по отделению этнографии. Т. 12).

№ 4

(А когда колдун умирает, то должен передать свое знание кому-нибудь, иначе мучиться очень долго будет.) До тех пор будет мучиться, пока не передаст свое производство, или надо поднимать конек (крыши).

Так мучилась одна старуха. Подняли крышу, дух нехороший изошел, умерла.

Одна старуха умирать собралась и все кричит: «Возьмите, возьмите». А они (семья): «Бери с собой, а нам не надо». Так она скатилась с кута и ползком к двери, а там веник стоял и сор лежал, что-то поворошила веник и сор, побормотала там и так же вернулась к себе на кут. Успокоилась и умерла.

№ 5

КАК БАБЕ ПАЛАШЕ НОСАК МОЛОКО НОСИЛ

Вот наблюдали мы в Иванов день (это еще при царизмы было).

Летел с западу и пролетел к ней, к бабе Палаше, в дымовое окно, в дымник, огненный шар. Старики сразу поняли: вот что! Это носак ей молоко носил. У ей две коровы давали молоко за всю деревню. Как к ней ни приди — у ней стоит петнадцать горшков больших. Ихний воспитомец Павлушка каждый день из чугуна пил молоко. До тово допъетца — молоко с носу так и льетца.

Спроста так не бывае, а когда носак молоко носит.

Ей ведь не раз и зажинали.

Она перед смертью все свое полосики бондырихе передала.

Говоря, что колдуны и колдуньи не могут помереть, пока не передадут колдовства другому.

Ей была сделана загородка — загородка, как бывае во хлеву, в свинарнике. Кругом кровати и до потолка забрано досками, чтобы не могла вырватца, а то она все рвалась и кричала: «Вот черти! Вот черти! Вот змеи!» Как вырветца, сломае доску, так под печку ее тащили и под стол, куда человеку и залезть трудно.

Так в етой клетке и померла. До революции это было, лет за тридцать. Она такая старая была. И ей сечас было бы боле ста лет. И вот невеска, говоря, полола ейный огород. А она с лесу так ковыль-ковыль, бежит и пальцем маше. Я (небольшая еще была) взяла комок земли и кидых... ей в затылок. Так она так меня ругала. «Бабушка, — говорю, — прости, ей-богу, думала, что бондыриха».

№ 6

У нас в Чуеле была старуха. Она с лесным зналась, скотину подговаривала. Он и сказал ей: «Если бы мне человек попался, сразу же пал бы, как меня увидел». Оттого лесной в человека и обращается.

№ 7

КАК ПОРТИЛИ СВАДЬБЫ

Раньше волшебны люди были, они всяко делали, портить умели, а потом наладить могли.

Вот на моёй уж памяти было. Едет поезд, свадьба, значит. Как стали на повороте выворачивать, так в шутку одного старика и свернули, а он был не простой. Пихнули его на дорогу, а он тихонько так говорит: «Нé далёко и вы уедете», — да спустил им словечко. Кони сразу вдЫбки, скачут, да ни с места. Телеги на бок валются, и оглобли ломаются. Поезд уж стал весь, кони нёйдут,

оглобли сломались. Они видят, что старик тот не простой был, вернулись к нему: «Дедушка, будь добр, наладь коней!» Дедку посадили на телегу, посулили ему, верно, водки. Он и наладил им, кони пошли.

№ 8

Однажды на свадьбе колдун спортил молодых: девушка на ноги встать не могла, хоть до сего дня была здорова, а парень тоже заболел: катался да лежал, а врачи ничего не признавали. Потом позвали бабушку, она слово знала, вылечила их.

А то девушку одну спортили так, что на коленках плавала.¹²⁴

№ 9

ПРО КОЛДУНОВ И ПРО КОЛДУНИШЕК

В той стороны, в Вёдрове,¹²⁵ за полигоном, было колдунов несть конца. Там свадьбу без колдуна нельзя было сыграть. Там жениха и невесту так сделают, что родная мать не узнает. И уж если брать на свадьбу колдуна, так надо такóво, что над колдунами колдун.

Вот такой случай был, я сам видел, когда приехали от венца молодые и стали в дом входить, им под ноги клубочек подкатили. Прошли оны по́мимо, и стал потом молодой хворать и зачах.

А позвали бы колдуна — и обошлось бы.

№ 10

Тоже в Вёдрове была раз свадьба. Сильной колдун был по́зван на свадьбу за княжбóй стол. А другие колдунишки с досады так сделали, что у свадебников оглобли выскочили из саней, лошади побежали, а те в санях сидят. Что смеху было! [Исполнитель смеется. Смеются и слушающие женщины. — *Примеч. собирателя*].

И вот когда собрались все за княжой стол, и заспорили за столом два колдуна, а третий сидел и слушал, что с них буде. Стал их предупреждать: «Вот что я с вас сделаю».

И взял их к балке и повесил за волосá, и мотаются оны, как на веревках. Тут уж взмолились: «Довольно, отпусти, призна́ли твою силу!»

Ну, отпустил. Так вот, колдуны разные бывают. Котóры над колдунами колдуны, котóры колдунишки.

№ 11

В Кефтени́цах (название деревни) спортили свадьбу. Вокруг стола мыш бегал, прямо по тарелкам. Так весь стол и разошелся, а мыш бегал, бегал да молодым в миску пал. Свадьбы и не было. А у молодухи по́том спи́на гни́ла. Она только год-два и жила однако, а по́том умерла.

¹²⁴ Плавать — ползать. — Словарь русских народных говоров. Л., 1992. Вып. 27: Печечки — Поделывать. С. 65.

¹²⁵ Деревня Лужского р-на. — *Примеч. собирателя*.

№ 12

Бабки такие злые есть. Не утрафят (не угодят) им, так испортят. Все больше на свадьбе.

На рукобитье дома молодые становятся на ковер на колени. В то время она подойдет и спортит их. А как ей покор принесут, она и наладит. Ей говорят уж тут: «Бери, сколько хочешь, только сделай».

Теперь эти бабки не смеют портить, прижали их. Одна доказала на бабу, так ту бабу и забрали.

№ 13

НАГОВОРЫ ДРУЖКИ

Дружка — хозяин свадьбы; хорошей дружка знат все отговоры и не дает свадьбу испортить. Приглашали хороших, знающих дружек. Он идет с кнутом впереди всех и никого не подпустит к поезду, умеет всего наговорить. Раз надо было ехать к месту, а лошадь — ни с места. Дружка и говорит: «Опрокиньте сани, там нету ли мутовки?» Так и оказалось.

№ 14

Колдуна чем-то не ублажили, так остановил поезд свадебный, передняя лошадь упала. Что делать? Дружка говорит: «Переедем через нее».

Перепрягли лошадей и переехали, она так и лежала, не встала.

Едут обратно, а он (колдун) сидит на ней, грызет ее, как собака.

Колдун на колдуна напали (*дружка, очевидно, был тоже колдуном*): он заставил (*того колдуна*) ее есть.

№ 15

ЖОНКА СПОРТИЛА

Вот раньше портили свадьбы. У нас был мужик, исчах весь, как женился. Жонка и спортила. Он сидел-то с другой, а взял-то ей. «Ты, — говорит, — меня не любишь». К колдуну съездила, он и спортил.

№ 16

⟨...⟩

— Дядя Тимофей, давно этот Евлампий Семенович глупый сделался? — спросил Федя, раскладывая огонь.

— Да как бы тебе сказать, лет десять тому назад.

— Отчего же он сделался таким глупым?

— Все это дело рук его тещи. Когда женился, жена с первого дня стала его ненавидеть, да и действительно он некрасив, не за што и любить. Ну вот после того как жена невзлюбила, стала жаловаться матери, што он без ю(го) ⟨?⟩. А та дура и поверила. Так-то разойтись стыдно было, да и боялись ⟨нрзб.⟩, што люди будут судить да рядить, и вот нашли они способ глупым его сделать. Сходили к какой-то колдуньи, дали ей денег, а та, глупая голова, и научила, как это сделать: взять от мертвого «пересады» и дать ему выпить вместе с чаем. Они

так и сделали. С того уж он и спортился, а потом жена взяла разводную и перешла жить к матери, а он пошел шляться по работникам.

— Почему это его в сумасшедший дом не увезли?

— Кто его повезет? Кому есть дело, да ведь он и не буйнит, нужды нет везти.

№ 17

Страшно, когда колдовство в одно имя попадет. Хотят спортить жениха, а в породы, кто за столом на свадьбе сидит, есть еще с таким же именем, как жених, так достанется и тому и другому.

№ 18

Будто бы любя, они (колдуны. — *М. Р.*) сильнее околдовывают. Свояченица моя была отдана замуж в колдовскую семью.

Просватали свояченицу в тот дом, который славился колдунами [Фирсовы в д. Кузьминовке].

Поехали к ним на свадьбу. Мне было почтенье, как первый зять. Подносят выпить, я отказываюсь, вино не любил. Поздравил, а не пил, — заставляют. Ну, уговорили, выпил, подносят еще — еще выпил, еще — «Ну нет, — говорю. — Околдуй меня, выпью». Он, хозяин: «Ха-ха-ха. Ха-ха-ха». А потом толкнул меня и говорит тихонько: «Пойдем в горницу, угощу медом. Всем-то не хватит, и рад бы, а тебя угощу». Хороший мед у него был.

И потом ничего худого от него не видел. Все меры принимали, а ничего не было.

Когда колдун заявляется, по преданию, чтобы колдун ушел, ухваты, кочерги ставят сверху, а черенками книзу, или куриное дерьмо в печку бросают, чтобы задымилось, или молитву читают: «Да воскреснет Бог и расточатся врази Его». Но ничего не было, не действовало. На настоящего колдуна действует, он скорее уходит.

№ 19

Большинство старые были колдунами. У моей старухи была бабушка, ее испортил колдун. Она выкидывала много нехороших действий. Вплоть до смерти страдала, безобразничала.

№ 20

Об этом Фирсове рассказывали, что одна женщина не дала ему чего-то взаймы, кажется, конопля. Так с ней и случилось. В церкви отчитывали, а она по церкви пляшет и поет: «Фирсову конопель не посадила». Потом успокоилась, священник отчитал.

Может быть, это одно воображение было.

№ 21

Колдуны были разные. Как захочут, так и сделают. Таки были бабушки: возьмет стакан воды, наладит, и покажет человека, и скажет: «Делай с ним, что хочешь». Ткни в глаза — и без глаз останется. Так спортишь, что и не вернешь.

А то может показать в стакане воды того, кто спортил.

№ 22

КАК БАБА ПАЛАША ОКРИВЕЛА

Одна женщина наша узнала, что эта Палаша отняла молоко у ейной коровы. Старик один у этой женщины ночевал и показал ей в воды в стакане. Она заглянула и узнала, что Палаша. Схватила вилку и ткнула в стакан.

А Палаша в этот вечер была в огороде, на пчельнике, и бежит оттуда, сломя голову:

— Прошка, Прошка, давай скорей воды. Лицо прямо горит, лицо огнем горит!

Тот подаё ей воды — плёх на лицо, и глаз у ей лопнул. Как она гайнет! А в етое време как раз тая женщина и торкнула вилкой в стакан. Так она и осталась кривая. Значит, не отнимай молока у чужих коров!

№ 23

НАЩЁТ ПОРЧИ

Вот и я хотел вам сказать нащёт порчи. У моёво дедушки, Павла Лаврова (ему ето двадцать лет было, когда он *⟨неизв. лицо⟩* помер), двор был спёрченной у кумы евонной. Вроде как колдунья она была. Вот скот у нево пропадает, да и шабаш! Лошадей он из Питера пригонит (он извозом занимался) — которая куды — все подыхали...

И вот он своёму сыну, его Амосом звали (по-нашему Мосей), и говорит:

— Поедем в Осьмино¹²⁶ (там был сильный колдун).

Поехали. Дед как взошел к колдуну, сразу заплакал. Очень ему обидно было, что скотина у нево пропадае. Ето старик вынул книгу, посмотрел в етую книгу и говорит:

— Не плачь! Я тебе помогу...

Налил он воды в кружку и показывае дедушке:

— Вот смотри в воду: увидишь тово человека, что хозяйство твое спортил.

Посмотрел дедушка:

— Да это никак моя кума!

Показал и сыну:

— У тебя глаза моложе, смотри, Мосей!

Сын посмотрел и тоже говорит:

— Да ето кума и естя!

Колдун и говорит:

— Что ты хочешь ей сделать, то и сделаем: хошь — глаза выколи, но только грех на себя бери.

— Не хочу я глаз ей портить, только бы порчу отвести.

— Ну так слушай, — говорит колдун. — Как домой приедешь, она сразу прибежит к тебе за ситом. Ты ей сита нипочем не давай, а то все пойдет насмарку. Иди во двор; под таким-то столбом воротным¹²⁷ пук лошадиново вóлоса зарыт в землю. Ты вóлос отрой, иди в поле и там сожги. Всю порчу как рукой снимет, и буде у тебя скотина опять водитца.

Только дед с лошади, а уж кума тут как тут — прибежала за ситом. Раз он ей прогна́л. Вторично прибежала, опять прогнал и матюгну́л ей, как следует. Все-даки не дал он ей етова сита.

Волóс он в указанном месте нашол, вынес на поле и зажог, как колдун велел. А кума с себя вóлосы рв́ала, када он вóлос жог — верно, сила у ось-

¹²⁶ Осьмино — районный центр Ленинградской области. — *Примеч. собирателя.*

¹²⁷ Столб от ворот. — *Примеч. собирателя.*

минского колдуна была больше, чем ейная. Дед с ей ругатца не стал. Только и сказал:

— Что я тебе худова сделал?

Вредить он ей тоже не стал. И с той поры все у дедушка пошло как следует: не стала скотина падать.

№ 24

ВОРОЖЕЙКА ОТВОРОЖИЛА

Вот в Великой четверг естя такая приметь: вот дай в Великой четверг кому-нибудь что-нибудь — со скором что-нибудь и случитца. Пришла к нам в Великой четверг годов тридцать тому назад соседка, выпросила чево-то, уж не помню чево, дак что скажи — трех коровушек полбжили за тот год, а четвертую прирезали. Стали худым голосом орать: которы во дворе или в хлеву — все орут, так и подошли. А одна в навозе вырыла яму в полсажени глубиной — все ноги переломала. Так и пришлось отдать ее мяснику за двенадцать рублей. Давно это было. Да ладно, ворожейка отворожила.

Мать у меня померла девяносто шести лет. Вот она сходила к ворожейке. Та достала артути, велела двор перепахать сохой крест-накрест на себе и велела артуть вылить в перекресток. Артуть в гору пошла, а не под гору, дошла и стала: тут и был портёж — копыто телячье отворочено у задних ворот под столбом. И сразу легче стало. И скот пошел. А ворожейку звали Шушуніха, в Щеголях жила, старая была. Все теперь примёрши.

№ 25

ШИШКУН — ЭТО ЧЕРТ

У нас, как спашут пашню, лошадей угоняли на все лето далёко. У моих дядевей потерялся молодой конь. Пошли и увидели, что нет его в партии. А у Юрковцев (название деревни) был старик. Пришли к нему. Дядя и говорит: «Дедушка, пришел я к тебе. Такое дело: конь, наверно, на худой след попал». Дед отвечает: «Надо идти, как солнышко сядет, нечисту силу выкликывать». У дяди волосы кверху выстали: страшно ему стало, что старик с нечистой силой знаетса.

Солнышко село, старик-то и ушел. Потом пришел, сел на лавку и голову наклонил. спрашивает у дяди: «Ну как, спишь ли?» — «Не до сна, дедушка». — «Жив конь, но едва живой. Ищи в таком-то месте».

Дядя пошел утром, как солнышко встало. Пришел на то место, видит коня. Он уже давно на худой след попал. И земля вокруг него вся черная. Площадка маленькая. Конь еле живой лежит: ни травы, ни воды нет. Местечко мало, а дальше идти он не мог, вот и съел вся траву, что росла в нем. Шишкун так сделал, что конь с этого места сойти не мог.

Когда заругасься, выпуская коня, вот и случится что-нибудь. Смерть-то ближе рубашки, от судьбы-то не убёгашь. Сейчас жив-здоров — а вдруг и смерть.

№ 26

Был у нас дед, знал он кладовать кресты. С веника крестиков надевает и говорит: «Положи здесь и здесь. Как будешь класть — не говори: „Господи, благослови“».

Однажды у меня корова пропала. Пошла я к нему. Сделал он мне три крестика. Хотя я и ходила к нему, а все равно соседней попросила помочь искать корову. Соседи все как один пошли. Вышли мы на пожню, а навстречу нам дедушка, другой только. Он рано-рано пошел за волнухами. Идет навстречу и кричит: «Я видел твою корову-то». — «Жива ли?» — «Жива. У колодца на нашей пожне». А мы с братом проходили мимо того колодца три раза. Корова как закрыта была. Дед, когда кресты мне давал, так говорил, что раньше этого дня не ходи. Все равно не найдешь, не попадет тебе корова, не увидишь ее. Пришли к колдуну, видим: корова еле жива. Так спортили ее, что долго сгустками кровяными рыла и ничего есть не могла. День и ночь за ней ухаживала; хлебинку съест, я и рада, а то ведь в ней все богатство. Детей-то шестеро, а муж с войны не вернулся. Гонят меня на пожню, а до жнивья ли мне? Все думаю: «Не померла ли моя коровушка?»

Так и отвалилась, стала есть и доиться началась. Сперва раз-два чирнет и все, а потом уже стаканчик. Ну и поправилась совсем.

№ 27

Как на скотном работали, сглазили корову. Как зверь сделалась, стала так бить, что невозможно доить. Так пинается, что сохрани Господь.

№ 28

Скоблю я чистоплетишко.¹²⁸ Идет пастух, рог в сумке, незнакомой.

— Нельзя ль у тя покурить?

— Отчево ж?

Сел у ворот и досидел до самого ужина. Старой... Один зуб, как у волка, напереду, как сейчас глежу на нево. Проситца переночевать.

— Ну что ж, ночуй. (Еще отец у меня был жив, и мать жива.)

А у меня как раз мерёжечки стояли в сених. Погода была для лова плохая. Пастух говорит:

— Поставь мерёжи!

Я отпираюсь, что их только мочить?! А он всё своё:

— Поставь да поставь. Будет нам на жарку и на варку.

Вот я поставил эти мерёжки. Прихожу, а он в хате сидит.

Ну ладно. Поужинали, чаю выпили. Баба моя стелет ему постелю, подушку кладет, говорит:

— Ложитесь!

— Нет! Мне кирпичина под бок, а полено в голову.

А мать и шопче отцу:

— Никак черта ты привел!

Мигнул мне отец, вышел в сени и говорит мне:

— Давай караулить, чтобы не перебил он нас.

Я до полночи не спал. А он сел на стол, пальто на голову накиннул, локтями оперся, да так и просидел до утра. Утром встаю. Он и говорит:

— Ступай на озеро. Ты в первую мерёжу не смотри, вторую смотри.

Вот я пошел. А и даки не утерпел: посмотрел в первой мереже — ничего, а во второй две щучины фунтов по четырнадцать. Принес в избу.

— Ну всем нам теперь хватит на обед и на ужин, — говорит этот пастух.

Мать наварила, нажарила. До обеда просидел он у нас. Все наелись досыта. Вот он стал уходить и говорит:

¹²⁸ Частокол. — Примеч. собирателя.

— Только не меняй коров ни с кем. Сена буде хватать. А сменяешь — не буде.

А у меня лошадь контузили в Гражданскую войну под Гатчиной. Пришлось без лошади быть. Я не хотел менять, помнил, что сказано было у пастуха. Напёрла мать: дескать, меняй! А тут баба приходила разов пять:

— Променяй корову на жеребенка.

И то скажи! Привела эта женщина жеребенка. А у нас сидела курица на яйцах и на другой день должна высыпатца. Мать пошла старуха коров доить. Бежит обратно, зовет отца:

— Андрей! Что-то курица сидит на гнезде голая, ни пера нету, ни яйца.

Побежали в сарай: верно! Голёхонька! Как опаленная! Ну и что ж делать... Может, хорь или кто — не нашли ничево. И скажи, что этово жеребенка как ни поставлю — залезе под кормушку, хоть караул кричи. Народ собирали — вытаскивать!

Потом в зиму коровушка здохла, поросенок здох, и жеребенка не удержать — бегае обратно в деревню, к прежней хозяйке.

— Эх, дурак, взял ты жеребенка от колдуньи!

Что теперя заведешь делать. Спасибо соседу, он меня и научил:

— Знаешь ты ихнии пóлосы? Возьми с каждой пóлосы по камню и, когда пойдешь домой, через межнину кинь на напашку и не оглядывайся.

Шабаш! Бросил жеребенок ходить. А потом слезы пошли у ево с глаз. Опять же баба ета навела. И что ты думаешь, как встретитца — все спрашивает:

— А как же, сватушка, жеребеночек-то, поправлятца? (У нас кто с кем поменяетца скотиной — сватами щитаютца).

Я давай ей матюгать (ведь нечистая сила боитца матюгов). И вся порча прошла. Баба-то была с Подгородья, известная ведьма. А мне и невдомек. Спасибо, соседи научили ее матюгнуть.

№ 29

⟨...⟩

Дядя Тимофей лег на середину лодки и с таким аппетитом заснул, что даже не слышал, как бабы в лесу горланили свои деревенские песни. Он проснулся только тогда, когда мы подъезжали к своему полю.

— О, да мы уже у Никоновой гибели? — сказал он, подняв голову и посмотрев по направлению к берегу. — Скоро же нас притащило.

— Дядя Тимофей, про какую это ты Никонову гибель говоришь? — спросил Федя.

— Так ты еще и Никоновой гибели не слыхал? Вот видишь, там недалеко от берега трестички. Так вот, возле этой трестички по озерную сторону есть «луда» (груда подводных кам⟨ней⟩). Давно-давно жил, бывало, в нашей деревне пастух кореляк по имени Никон. Хороший пастух был и отпуски хорошие знал. Бывало, как весной отпустит скотинку в лес, да сам и не ход⟨ил?⟩ никогда за ней: все сама скотинка домой приходила. А он в это время и работал что-нибудь. А в ту пору все дешевое такое было, бывало, за пятак целые дни работали мужики. Вот один раз взялся он у дедушки Наума Мих⟨айловича⟩ за пятак плот дров приплавить из лесу. Вот он эдак утром раненько уехал вот сюда на бор, нарубил до обеда дров, а с обеда сплотил и едет домой. А этой-то луды он совсем и не знал, да как-то нечаянно и заехал с плотом на эту луду. Заехал и сидит себе — ни взад, ни вперед нельзя. Вот беда, што делать. Ничего такого придумать не может. Дай, думает, загину (⟨нрзб.⟩ заплачу), может, кто на крик и придет, выручит из беды. Загинул, а моя-то покойница бабушка, царствие ей небе⟨сное⟩, ягоды тут возле по бору собирала и услышала, што он ревит.

«Чего ты, Никонка, реवेशь-то так?» — спрашивает она. «Да как же мне не реветь: на луду плот запал — пятачок из-за этого пропадает». — «Поезжай ты, поезжай, Никон, домой. Да(к) я лучше тебе свой пятачок заплачу, а ты брось-оставь тут плот-то».

Никон так и сделал, уехал домой, а бабушка и отдала ему свой пятак.

На другой день витрина страшный разыгрался, и плот с камней сбило. Никон переплавил и другой пятачок получил. А луда эта после него так и называ(ют) — Никонова гибель.

— Дядя Тимофей, а долго ли после этого Никон жил у нас в пастухах?

— Да как бы тебе сказать, — и году не жил, в ту же осень и вышел.

— А почему же он вышел?

— Дело такое вышло, што пришлось ему покинуть нас. Один раз осенью коровы долго домой не приходили. Одна соседка и собралась ити искать. Только вышла за поле — видит: черт гонит коров домой. Уж, видно, отпуск у него такой действительный был. Чертина такой большущий, выше лесу рога такие большие. Молодуха-то испугалась да и давай домой бежать, а черту-то это невзлюбилось: как хватит ея корову за шею, да так сразу и придавил. Ну вот как узнал об этом Никон, да и говорит: «Зачем ты пошла за коровой без моего дозволения? Я больше у вас не могу служить».

И ушел.

— Так разве он с чертями знался? — спросил Федя.

— Ну как же пастуху быть-то без этого? Знался-знался, бывало, и мне хотел показать чертеняток, да я не посмел ийти. Говорит, нужно только черту задать самую трудную работу, и тогда он не тронет человека. А самая трудная работа — это плести из песку веревку. Он мне много раз говорил: «Пойдем, заставим веревку из песку плести, и он не тронет нас», но все-таки страшновато иттить-то было. Так и не удалось повидать с ним бисенка-то (...)

№ 30

В д. Жерновцы был пастух Нестор, колдун. Раз, мы еще маленькие были девчонки, он говорит нам: «Пойдемте, я вам чудо сделаю». Мы побежали все за им, он привел нас на опушку к березе и говорит: «Гледите, чистая?» Гледим — чистая. И вот болонам,¹²⁹ болонам пошло по всей берёзы. «Ето, — он говорит, — я кил насадил!» Мы все и побежали.

№ 31

(...)

Мне самому часто приходилось быть свидетелем некоторых суеверных обычаев. Для примера приведу один из таких — отпуск пастуха при выгоне коров (...), весной на луга. Отпуск — это среднее между заговором и молитвой. Язык его подходит более к молитвенному, но по наивности темы, которая доходит до высших пределов, можно заключить, что это, скорее всего, заговор. [Некоторые верят-таки в колдунов].¹³⁰

Вера в колдунов и заговоры иногда даже переходит в фанатизм. Отпуск пастуха фантастически часто благотворно влияет на скот, как гипнотизм. Вот полная копия с рукописи одного пастуха, приобретенной мною в собственность.

¹²⁹ Болонá — шишка, опухоль, нарост или рана на коре дерева. — Словарь русских народных говоров. Л., 1968. Вып. 3: Блазничка — Бяшутка. С. 77.

¹³⁰ Текст в квадратных скобках в тетради собирателя перечеркнут. — М. Р.

№ 32¹³¹ОТПУСК ДЛЯ СКОТА С ПЕРЕДАЧЕЙ ВЕКОВЕЧЬНЫИ
ЕФИМА ОСИПОВА АНДРЕЕВА¹³²

Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь. Заутра услыши в час мой, Цярю мой и Боже мой, к тебе вопиющих рабов грешных. Лягу я благословясь, пойду перекрестясь, пойду я, раб Божий Ефим, далече в чистое поле, стану я, раб Божий Ефим, перед самим Богом Саваофом, перед Йисусом Христом и перед его матерью присно девою Марією, и перед святым апостолом Петром, и Павлом, и Михаилом архангелом, Иоаном пророком и Претечей Христовым, Николаем Чудотворцем, Георгием Победоносцем и перед преподобным мо(в рукописи оторван уголок) и священномучеником Василием Синпантинским, Медосеем Праведным и перед всей небесной силой с умилением предаю к стопам ног ваших. Прошу и молю всю небесную силу: благословите и на путь препроводите немую скотинку пастись от сего дня и на все веки, аминь.

Аминем заключается пастись быкам, коровам, нетелкам и мелким подтелкам; рогатых, пойматых, кладеных и не кладеных, купленых и доморощенных и вновь приведенных; черных, бурых, красных, белых, пестрых, карих, чалых, чубарых; всякую разношерстную скотинку спаси, Господи, и помилуй от широколапого медведя и медведицы, от перехожаго волка и волчицы, от рыся, росомахи, от хзевь ⟨?⟩, от змей, от поветрия, от падежа, от колдуна, от всякого чину людей загради, Господи, каменной стеною в три сажени толщиной, в тридсажень вышиною вокрукъ¹³³ мое любимое коровье, овечье, лошадиное стадо. Еще прошу и молю, Господи, обнеси железным тыном вокрукъ мое любимое стадо от земли донебеси, еще прошу и молю, препроводи реку огненую от востока и до запада вокрукъ мое любимое стадо от выше упомянутых зверей, пошли, Господи, апостолов Петра и Павла с его золотыми ключами выше писаную стену замкнуть и запереть от выше упомянутых зверей; ключи отнеси самому Богу Саваофу на престол под нево нетленную ризу. Как сего ключа и замка никто невидит, так бы невидели бы звери мое любимое стадо век повеки, аминь, аминем заключается. Пошли, Господи, Ильию-пророка на огненной колесницы громом, молнією и стрелами, чтобы стреляло бы от моей поскотины равно упомянутых зверей век повеку, аминь, аминем заключается. Во святом граде в Каперноуле лежит белат¹³⁴ камень. Как он тверд и крепок, так и укрепи, Господи, словом и твоей десницею и животворящим крестом от мертвого человека никто невидит, так бы невидели звери моего стада, так укрепи, Господи, сей Божественный отпуск не мало ⟨?⟩ скота твоим, Господи, словом и твоей десницею и животворящим крестом загради мое любимое — коровье, лошадиное и овечье — стадо от выше упомянутых зверей, пастись моему стаду по горам, по лесам, по мхам, по болотам, по сеным покосам, по всем угодьям; кажись, мое стадо, выше упомянутым зверем при горе камнем, при лесе пеньем, при болоте колодьем, при реках, озерах водою, при сеных покосах травую, век повеки, аминь, аминем заключается. Пойдите выше упомянутых зверей за

¹³¹ Рукопись представляет собой тетрадь в широкую линейку, без переплета. Почерк ровный, аккуратный, крупный, округлый, текст написан простым карандашом. Сохранность текста в целом хорошая. Утрачен лишь один небольшой уголок рукописи, в результате чего потеряно одно слово.

¹³² При публикации данного текста мы сохраняем все орфографические и стилистические особенности рукописи, а также графическую структуру и рисунок, вставляя знаки препинания и заглавные буквы, которые в источнике отсутствуют полностью, отделяя предлоги. Также убраны все ъ, но оставлены і.

¹³³ Здесь и далее в подобных случаях окончание *къ* сохранено, как в оригинальном тексте.

¹³⁴ Здесь, возможно, *бел-ат* ⟨?⟩.

славное океян море на дикое болото, где человек не обитает, птица мало летает, питайтесь тем же зверем, зайцем и лисицей, а в моем стаде нет вам пищи никакой век веки, аминь, аминем заключается. Как стекаются быстрые речки, маленькіе источники во славное океян море, так собирайся мое любимое коровье, лошадиное, овечье стадо в одно место, друкъ от дружки неоставаючись, к своим домашним хозяевам век веки, аминь, аминем заключается. Как собираются православные христиане ко звону колокольному, или к пению церковному, или к отцу духовному, так бы собирались бы мое любимое стадо в одно место, друкъ от дружки неоставаючись, к своим дворам и хозяевам век веки, аминь, аминем заключается. Как собираются муравьи к своему царю муравью, так бы собиралось мое любимое коровье, овечье, лошадиное стадо в одно место, друкъ от дружки неоставаючись, ко своим дворам и хозяевам век веки, аминь, аминем заключается. Господи, буди к нам милостив, к рабам грешным, к тебе, Господи, вопиющих и молящих тебе, Господи, завтра услыши глас мой, Царю мой и Боже мой, аминь.

Каждому хозяину положить три поклона земных при чтении отпуска, конец.

Первое наставленіе: как будешь обходить стадо, возми свечку, которая останется после Христовой заутренки, зажги онную, прилепи к образу и прочитай сей отпуск, и три раза обойди стадо вокругъ по сонцу. Когда кончишь чтение, тогда книжку убрать на место и больше не брать, на место и больше не брать в руки и не читать до другой весны, так и дальше на все веки.

Конец.

Второе наставленіе: раньше выгона скота возми рябиновой батокъ и отъметь на батогѣ скота наресками — сколько у тебя скота всего, столько и зарубук. Когда прогонишь скотину в поле, воротишься домой, тогда бадог запихай где-нибудь в сырое место так, чтобы не видно было бы бадоба, тогда скот твой будет между собою смирен, молока удой будет хорошей, и скот будетъ сытой и не будет в поле оставаться начевать, будет ходить домой. Исполняй, что тут писано, будет хорошо.

Конец всему.

Еще наставленіе, чтобы люди, которые будут скота выгонять, чтобы в чистоте и чтоб не было бы на себе крови.

Передаю рабу Ефиму во вечное владение вовеки, аминь.

Во славу Святыя Троицы, Отца, и Сына, и Святаго Духа и ныне, и присно, и во веки веком, аминь.

№ 33

Его (*Фирсова, в дом которого выходила свояченица Птичкина. — Прим. исп.*) отец был колдуном, к нему воры придут на пчельник, так не выйдут, пока он сам не отпустит, дороги не найдут.

№ 34

ПРО ГОРДИЮ-КОЛДУНА

А вот еще про охотника колдуна вам скажу.

Один молбдый парнишка, Пáрша Закольской, захотел охотитца. Он и стал просить етова охотника-колдуна:

— Дядя Гордя, научи меня, как охотитца.

— Ну что ж, говорит, пойдем караулить зайцов в сарай ночью.

А дело было зимой. Парнишка и рад. Пришли в сарай. Сели. Старик и говорит Парше:

— Ты смотри, скоро зайцы придут, а я лягу.

Лег старик и сразу захрапел. А Пárша караулит зайцов. И вдруг видит: зайца двое мужчины за уши тащат прямо к нему! Этот мальчишка обрбел и толкат старика под бок:

— Дядя Гордя, смотри, двое мужиков тащат зайца!

Старик говорит:

— Бей!

— Да я боюсь, убью мужиков!

Он опять:

— Бей, тебе говорят!

— Не, не буду, боюсь!

Выхватил старик у мальчика ружье, стрéлил, зайца убил — и мужики пропали.

— Ну, — говорит он Пárше, — не охотник ты и никогда и не будешь охотник. Ступай себе домой!

...Ведь старик-то был колдун. Ему и тащили зайца. Он знал все в лесу — всех зверей и птиц, и ихний язык знал.

№ 35

СКАЗКА О СОРОКА РУСАЛКАХ

Мария Ивановна Храмова рассказывает:

— Жил у нас в Чембаре купец, Андрей Васильевич Осипов, бакалейной лавкой торговал. Дом его сейчас стоит, там пушнина теперь. Прислуживал у него старый старичок из Мосоловской барщины, из д. Волчково, матери моей знакомый. Заходил иногда. Разговорились они с бабушкой Парашей о старине. Как его кум, Влас Кривой, волчковский, видел сорок русалок, говорил барину молодому, а барин сидел у дуба и писал. Клялся кум Влас Кривой небом и землей, что истинная правда.

«Давно-давно было, пошел я в лес, что под руку попадетсá лычков, зашел в такую чащу, ни пролезу, ни вылезу. Стал напропалую аукать, кричу. Смотрю, вылазит из чащи лесовик сторож.

— Здорово, Влас, иди за мной.

Я рад, тороплюсь, ногами семерю, упаду, встану, еще упаду. Вышли мы на поляну, остановился караульщик, говорит:

— Ты, может, хочешь быть у нас на лесовом сходу, вроде праздника наша сходка лесовая будет, только я тебя опереждаю, смотри, что люди, то и ты, не суйся с молитвами.

Вышли. Поляна среди леса большая. Три доски вместо стола положены длинные, предлинные лавки кругом широкие новые протянуты. Посадил меня лесник на лавку. Я сижу, смотрю и думаю, колдуны, что ли придут. — „Не суйся с молитвами”. Смотрю, столы накрывают все листьями: лопуховые, папоротник и хреновые, все листья кленовые, так и кроют, кроют, нигде места нет, весь позакрыли, постелили, все оправили. Смотрю, кушанье ставят, чашечки деревянные. Грибы белые, грибы осенние [это грибы особые, на тонких ножках], опенки луговые, волжанки, красавки, грузди, белянки и черные поганки. Тут ягоды несут: калина красная, рябина, смородина, черемуха, малина, все ветками, кучами наложили. Орехи, желуди с дубов, ну и красота, живичка, клубничка, земляничка, мед сотовый. Рыбки караськи, улитки, раки, на что взглянешь, все знакомое. Лагун деревянный с водой, новый, а чашка плавает в воде.

Глазами моргнул только, как появились русалки за столом, с зелеными глазками, с серебристыми волосиками, ну и много их, штук сорок аль пятьдесят. Населись, кушают, что возьмут, лишь на зубах хрустит, — так говорит кум

Влас Кривой. — Чего-чего, желуди да карасиков за хвостик в рот кладут, с косточками глотают, улиток, раков, ничем не подавятся. Чуть-чуть было я \langle не \rangle засмеялся. А руками об голову приглаживать станут, от них искорки летят. Вот так гости, вот так лесовая схотбища!

Вдруг подают что-то как будто из снега, белое-белое, мороженое, что ли, я подумал. А никто не перекрестился, все молча сидят, стали с тарелки руки обмокать и мазать глазки. Я тоже обмакнул помазать, лесник как цапнет по глазу, а у него пальцы с когтями, глаз-то мне и проколот. Вытек зрачек-то.

— Не суйся, куда не следует.

Взял утиральник, пожевал какой-то травы, привязал.

— Пройдет, болеть не будет, сам виноват.

Русалки все в один миг исчезли.

— Смотри, Влас, не болтай колухастому попу. Грешник великий, в церковь не хожу совсем.

Недалеко от двенадцати дубов дело-то было, что „двенадцатью дубьями” зовется.

Молодой человек — это был барин, Михаил Юрьевич Лермонтов. Встречался я с ним, а он спрашивал: „Дедушка, ну расскажи, как ты был на празднике?” А сам заливается смехом.

— Ты знаешь, старый, Марью Акимовну Шан-Гирей, что на углу проживает?

— Знаю, знаю.

— Вот я ее родной племянник.

— А я-то им грибки приношу».

(Запись сделана М. И. Храмовой в 1882 г.)

№ 36

\langle В. С. Розанова спросила В. А. Васильева, верит ли он в колдунов \rangle .

В. А. сказал, что раньше были черти, они много творили зла, шуток над человеком, но теперь люди не верят в них, они хитрее черта, а поэтому сила его невелика. «Люди стали умнее сатаны, — сказал В. А., — но опять-таки теперь есть люди, знающие колдовство». Немного погодя он мне сказал еще, что черта как материального понятия нет, но случается так, что человек, наколдовав, сталкивает человека с таким положением, как вот вроде того, что произошло с ним.

В одном доме, который существует и сейчас, невозможно жить. Уж не первые жильцы в нем живут. Почему происходит такая быстрая смена? А вот почему. Ночью домовый не даёт покоя: всё что-то чудит прерывисто.

«Очевидно, — объясняет В. А., — плотники что-то сделали: может, клин вбили какой или щель оставили; ветер воет, а что, как узнать? — Трудно».

№ 37

ПРО ПЕРЕЖИНКИ

Везде эти пережинки бывают. Пережинают поля крест-накрест — так и так [показывает руками. — *Прим. собирателя*]. Вот у нас одна была такая старуха, и все говоря, что пережинала она. И ей долго было не помереть. Пока кубарь соломы в ручейке снесло и пока ету солому не размыло и не унесло, она не могла помереть. Унесло водой ее грех — и померла. Вот от етых пережинок бывает хлеб у зажинальщих от нови и до нови, а у той женщины, которая буде жать на таком поле, буде болеть спина.

А если поглядишь пережинки, увидишь следочки маленька (срезаны колося по первый сустав).

№ 38

Еще при барщине была здесь такая в Заклинье, как будто Дарья ей звали. Дарья пережинки делала, и у ей хлеб никогда не переводился. Эта барыня Вильбува приказала узнать тех, кто пережинки делае. Трое мужиков в лазей¹³⁵ поставлены были, чтобы поймали ей, когда она пойдё пережинать. Уж они караулили, караулили. Она прошла — никого не видали. А когда уже пережала все поле, идё обратно. Мужики уже собрались домой иттить. Вдруг услышали шорох — кто-то по ржи бежит. Тут они остановились все и смотрют. Она тут и выскочила изо ржи. К лазей — вся голая, вся в саже и волосы распущены, как русалка. Оны ее кто за руки, кто за волосы, и привезли к барыне. Ну ей начали на конюшне пороть. До тех пор пороли, пока она не умерла. И похоронили не на кладбище, а в мох. И вместо креста осиновый кол забили.

Р. С. Говоря, что таперь ббндыриха зажинае. Это слухи. Таперь никово не видим. А то как жали свою полосу, так каждый видал эти пережинки.

№ 39

ЗАЖИНАЛЬЩИЦЫ

В самую ночь на Иванов день у нас в Нелаях выносили подойники на улицу, чтобы коровы лучше доились: такая приметь была.

Это я к чему вам сказываю. Вот какой случай на Иванов день у нас был: двое наших мужиков пошли караулить зажинальщиц. Дело это мудрёное. Зажинальщица кем хоче може обернутца: и котом пройтить, и собакой, и на колесе проехать. А апосля будут у жниц руки болеть.

Ловить — как ей ловить? Как ты её поймаешь? Ну, к примеру, в одном месте сын караулил тоже зажинальщицу — увидел, стрелил ей — и убил. А это была мать ево. Етому не одна сотня лет прошла.¹³⁶

Вот как это было. Он также караулил рожь на Иванов день и видит: бежит с поля вроде собаки. «Ага! Хоть стрелю и убью, коли так!» Стрелил. А после на поле, на сукреске,¹³⁷ люди увидели: женщина лежит убитая. Это мать евоная оказалась.

Да ведь это я к слову. А вот как у нас в Нелаях было, как я начел говорить про этих двух. Караулили они, караулили — никак не дождатца. Вдруг кошка с поля пробежала. Это на заре было. Сели они на завалинке, и вдруг в одном дому ворота заскрыпели. Оны сразу спрятались за ледник и смотря. Вдруг две женщины с ворот вышли в одних рубашках. Одна с ведром, другая с подойником и побежали к озеру. И стали оны на плоток (где воду черпают) и черпают воду. Одна почерпнула себе воду и вылила на голову. И другая тоже таким манером вылила на себя воду и побежали домой. Ну, конечно, оны перенаделись, рубашки повесили сушить. И одна одной говорят. Оне говорили, что теперя коровы у нас, Бог дас, будут много молока давать. Вот, говоря, кака удача нам, никто нас не видал.

А караульщики ихний разговор слышали (оне все за ледником стояли).

Так вот. Это были обнакновенные женщины. Делали оне, чтоб коровы больше давали молока. А зажинальщицу так и не укараулили. Да ведь она может пройтить и человеком, и котом, и собакой. Тая кошка, може, тоже, как ведьма, в трубу вылетела.

¹³⁵ Лазея — ворота в поле. — *Примеч. собирателя.*

¹³⁶ Огородницы, слушающие былицу, подтверждают: «Да, да, мы все про это слышали, как сын мать застрелил!» — *Примеч. собирателя.*

¹³⁷ Перекресток. — *Примеч. собирателя.*

№ 40

Уж и сама не знаю, враль это или не враль. Люди сказывали, сама уж не видела. Бывало это в Киевской губернии, в деревне одной. Там все на баб полагают, што сорокой летают. И на повесть залетела, а из окошечка две сороки вылетели. Поп видит, не ладно. В той избы вдова жила, он туда зашел, дверь отворил: две женщины сидят и ребенка зажаренного едят. Одна родила, и они его погубили.

Эта женщина, которой ребенок был, заболела, стала помирать, попа созвали, стала каяться. Поп говорит: «Покайся в том грехе, в котором я дверь отворил».

Она покаялась. Она и померла так. Вот снесли ее в церковь. Вдруг колокола ударили. Тут был трапезник. Поп трапезнику сказал: «Бежи узнай, што в церкви затравилось?»

Трапезник побежал, поп один остался. Она стала его грызть. Все выгрызла: нос, уши. Он замолился соловецким угодникам, она пала.

Уж не знаю, враль, может, все это. Поп этот приежжал в Архангельск, показывался, запутан весь шелковым гатаном, лице все разъедено. И все молице соловецким угодникам, и сам это рассказывал.

Стара вера, как и не бывала, сказывают, как да и неисправна: попы — обманщики, обманывают людей.

№ 41

Сейчас колдунов еще больше. Все могут сделать: и хорошее, и плохое. Они и лечат, и изуродовать могут. Вот от яйца возьмет кожуринку, заговорит ее да привяжет к тому месту, где гад клынул. Все и пройдет.

№ 42

Сейчас молодые люди живут плохо, все ругаются, расходятся. А бабка может их вместе скрепить. Дают ей сколько денег, она наладит, они и живут мирно.

№ 43

⟨...⟩

— А што же они не обращались ни к какой колдуньи? Может бы, то бы помогла.

— Обращались, батюшка Петр Степанович, ко многим, да ништо не помогает, верно уж, Богом так суждено ему в молодости помереть. Как бы дать побольше денег колдуньям, так они и принялись бы как следует, да и вылечили бы, где бедной Марьи деньги-то взять, как сама чуть-чуть кормится. Ребятишек целая изба. Если помрет Гермила Лукич, так уж им, бедным, придется по миру идти с сумочкой — именем Христовым питаться. ⟨...⟩

№ 44

Котору лошадь «хозяин» не любит, ту угоняет. Нашу лошадь одну каждый вечер прогонял со двора, не пускает и все. Пошли мы к Василию Иванову, он сказал слово и прогнал «хозяина». Потом он пришел снова, но лошадь больше не трогал. Везде слова нужны. Нет ни одного дома без «хозяинов».

№ 45

Меня при финнах гад в ногу клюнул. Толстущая нога была. Жила недалеко тут бабка, тоску снимать знала. Пошла я к ней, она слова какие-то сказала, от меня тоска и отпала. Нога-то сразу пестреть стала, сделалась полосками, как гад. Все и прошло.

№ 46

У нас мужик на Падуне заблудился. Два месяца чёрт водил его. Как он из дому уходил, ему жена сказала: «Не долго ходи». — «Ничего, чёрт меня не унесёт». Чёрт его и унес. Потом колдуны отворотили его. Он и рассказал: «Приведёт меня чёрт в избу к женщине и говорит: „Может, женщиной попользоваться хотите?“». Но он не стал. Женщина эта без пояса была.

№ 47

⟨...⟩ Только расположились они, расклали огонь и навесили котел, является к ним старушка и просит у них судаков на «варьку». Ловцы отказали ей. Тогда старуш⟨ка⟩ сказала: «Отныне и до веку не будет здесь больше судаков!» — и скрылась.

Ловцы переглянулись и догадались, что зря этой старушке отказали, что эта старушка была Мать Божья. Им стало стыдно. Совесть им не давала покою. Один рыбак по имени Иван стал рвать на себе волосы и тут же сошел с ума.¹³⁸ Стал бегать, кричать. Второй Павел стал его унимать и хотел его захватить и связать. Но только встал, почувств⟨овал⟩: у него одна нога не действует. Тут он понял, што их Бог наказал. Надо скорее домой пробираться. Но как товарища заманить в лодку, — тот кричит все, что на ум взбретет, бегаёт, пляшет, поёт песни. [Павел и говорит Ивану: «Иван, поедем домой, у нас свадьба, звали ⟨...⟩ так поедем вина пить на свадьбу».

Тот ни слова Павлу не сказал, а продолжал беситься!]¹³⁹ Вдруг он пал на землю в обморок.¹⁴⁰ Павел спугался, но делать было нечего, кое-как затащил его в лодку и повез его домой, а нога не действует. До дому-то было верст восемь. Кое-как доехал до дому, а из лодки выйти и не может, у него и другая нога не стала задействова⟨ть⟩. Тут он стал кричать народ. Народ сбежался, и его вынесли домой, а дохтуров в то время не было, помощи ждать было неоткуда. Жена и ребята у Ивана ревят во все горло. Весь народ сначала собрался у Ивана, но сделать ничего не могли. Одна только старушка посоветовала жены Ивана съездить за колдуньей Маврой, которая жила верст за сорок. Жена Ивана послушала¹⁴¹ старуху и поехала за колдуньей, а старушку, которая посоветовала ей это сделать, оставила дома посмотреть за мужем да ребятами. Народ весь пошел к Павлу и стали у его спрашивать, как и што с ним случилось. Тут Павел им рассказал все по порядку. [Когда Павел все рассказал, у многих волосы дыбом стали, все спугались. Но больше всех жена Павла]. Тут соседи стали успокаивать и говорили, што скоро приведут кол⟨дунью⟩ Мавру, так она все дела поправит, так как она знакома со всеми нечистыми духами. На другой день вечером жена Ивана привезла колдунью Мавру. Та посмотрела сначала Ивана, велела всем выйти из избы, поворожила чего-то над Иваном, а потом пустила народ в избу и говорит, што у Ивана нашел такой сон, который про-

¹³⁸ Рехнулся ума. — *Примеч. собирателя.*

¹³⁹ Текст в квадратных скобках здесь и далее в тетради собирателя перечеркнут. — *М. Р.*

¹⁴⁰ Без чувств. — *Примеч. собирателя.*

¹⁴¹ Послушалась. — *Примеч. собирателя.*

должается три дня.¹⁴² Через три дня он поправится. Жена Ивана немного успокоилась.

Колдунья насыпала в нос Ивана каких-то порошков и пошла к Павлу. Когда она узнала, што у Павла ногу отняло, взяла немного соли, велела выйти всем с избы, потом подошла к печки, повернулась к востоку лицом и стала што-то шептать [в соль]. Потом положила соль в стакан, залила водой, размешала кончиком ножик⟨а⟩ и дала выпить Павлу. Павел выпил, и сразу же у него ноги стали действовать. Тут он обрадовался, пал старухе Мавры в ноги и на радости вместе с женой плакали и смеялись [...].¹⁴³ Павел приказал жены приготовить разных кушаний, послал сына за вином и сделал [настоящий] пир [...] гля всех соседей. Радостям его не было конца. После угощения он дал старухе денег, муки и много другого кое-чего [и держал ю у себя три дня]. Через три дня действительно Иван очнулся, но с постели не мог встать, лежа подозвал к себе детей, благословил их, потом сказал жены: «Жена, не забывай нищих. Прощай», — и тут же Богу душу отдал.

[После вот этого и стали звать эту губу Судачьей].

— Да было ли это, могло ли это быть! — сказал Федя, когда дядя Тимофей кончил свое предан⟨ие⟩.

— Верно было, как старики говорят. Не выдумал же я сам все это.

№ 48

⟨...⟩ Как только дядя Тимофей кончил свое предание, Наум Михайлович подклинил:

— [А] почему же это наволок, [где] Петр да Павел отдыхали, называется Силиным? — спросил Федя у дяди Тимофея.

— Силиным? А Силиным он называется потому, што досюль на эвтом самом наволоке жил святитель Сила. Выстроил он тут себе келью, разделал поле и жил себе весь век один-одинешенек, даже и не ходил никуда.

— Так ведь одному-то ему скучно было?

— Какое скучно! Он из монахов происходил, так привык к одинокой-то жизни.

— Дядя Тимофей, сохранилась ли та избушка, в которой Сила жил? — спросил Федя.

— Какое тебе сохранилась! Может, уже 1000 лет с того времени прошла.

— Дядя Тимофей, где же святитель Сила похоронен? — спросил Федя.

— А Бог его знает где. Наверно уж, на этом острове. Как ты думаешь, Наум Михайлович?

— Да, пожалуй, што так. От стариков приходилось слышать, што иногда они святым называли этот [наволок] остров. Да если бы не был этот [наволок] остров святым, так разве показалась бы [Божья Мать] тут святая старушка? Святые показываются только в святых местах.

— Дядя Тимофей, может быть, эта старушка привидение такое, — сказал Федя.

— Привидение-то привидение, да святое. Такие-то привидения редко показываются.

№ 49

— Дядя Тимофей, а что будет, если мы будем на воды колотить веслом змею?

¹⁴² Наверное, летаргический. — *Примеч. собирателя.*

¹⁴³ Многоточие собирателя.

— Нет, Боже упаси! — отвечал дядя Тимофей. — Она тут «разсердится», так всех нас заклюет.¹⁴⁴ На воды она сильно зла!

«Сильно» дядя Тимофей вскрикнул так сильно (делая ударение на о), что нельзя было не поверить ему.

— А почему это, дядя Тимофей, змею убивают всегда ольховой палкой?

— Ольховой палкой? — спросил дядя, приняв позу разгадывающего трудный вопрос. — А ольховой палкой потому ее убивают, что ольха — святое дерево. Вот если бы осиною или березой убивать, то гад после первого удара прыскает выше человеческой головы.

Вот был такой случай. В одной деревне жил мужик Николай. Однажды выехал он пахать в поле. Пахал-пахал, вдруг видит на груде (камень) лежит змея. Он сейчас же схватил березовую палку и ударил ею змею. Змея прискочила выше его головы. Николай испугался и давай бежать. Змея пустилась за ним. [Бежит и] сама на бегу свищет. Ермолай бежал, бежал, никак не может уйти, змея тут как тут. Наконец до того он добежал, что дух захватило. Дай, думает, остановлюсь. Остановился. Вдруг змея ему на шею. Обвилась вокруг шеи три раза и смотрит ему в глаза. Испугался бедный Николай, но делать было нечего. [Пришлось ему помириться]. «Верно, Богом суждено мне тако», — сказал он и пошел домой. Рассказал [он подробно обо всем домашним и решил ходить по монастырям да святым местам до тех пор, пока не отстанет змея]. [О всем подробно о случившемся он сказал отцу. «Иди, говорит, работай, а мне делать нечего. Благослови ходить по монастырям. Может быть, и <отстанет> как-нибудь змея»]. Но ходил, ходил Николай по монастырям, никак не может отстать от [змеи] своей спутницы. Как только зайдет в церковь, змея выскочит на паперти и ожидает его. Как только выйдет — змея опять ему на шею. Однажды пришел он в Троицкую лавру и пошел в церковь. После обедни он в церкви рассказал игумену о своей спутнице [змее] гадюке. Тот обещал [ему] избавить его от змеи. Отслужил в церкви перед мощам(и) Сергия молебен, потом дал ему крестик с образа прп. Сергия и благословил его им. Николай одел его и вышел из церкви. Змея хотела вскочить ему на шею, но, увидев на шеи крест, отступила назад и с тех пор больше не подходила к нему. Бедный Николай, носивший змею три года и избавленный от нее игуменом, обрадовался и воротился домой.

— Да правда ли это? — сказал товарищ.

— Наверно, правда, не сам же я выдумал. Мне люди сказывали.

— А почему же дядя Тимофей говорит, что если змея ужалит человека, то старается первая прыгнуть на камень?

— Это нам нельзя знать, потому что Богом так положено. Это исстари так идет. Говорят, что кто первый, человек или змея, первый станет на камень, так <к> тому и опухоль не пристанет.

№ 50

— Дядя Тимофей, а вы долго тогда были в Питере-то?

— Да, пожалуй, месяца два жили до отправки-то.

— Ну, а как тебе, Питер-то понравился? — спросил товарищ у дяди Тимофея.

— Да, ничего себе, город славный. Дома большие, каменные, памятников много. Ну чего еще больше.

— А какие ты памятники видел, дядя Тимофей?

— Да много их есть. Всего-то не перепомнить.

— А который тебе больше понравился?

¹⁴⁴ Ужалит. — *Примеч. собирателя.*

— Который больше пондравился? Да много есть хороших, пожалуй, всех лучше Петру Великому, что близко Исакия. Петр Великий на кони едет, у ног его коня обвилась змея. Федя, ты, наверно, знаешь? (Федя жил в Петрограде несколько лет.)

— Ну как не знать! Этот памятник всякий малыш знает. Дядя Тимофей, отчего это змея вокруг ног коня обвилась? — спросил Федя.

— Да разно рассказывают об эфто. Я-то слыхал так. Когда Петр Великий окончил войну со шведом и ввел в Россию иноземные порядки, то стал сравнивать себя с Богом; говорит: «Нет ничего невозможного на свете, — все может победить человеческий разум». А шут-то Балакирев услышал эфто, подошел к нему да и говорит: «Как это так, што ничего на свете нет невозможного? А ну-ка перескакни на лошади через Неву!»

Петр Великий, недолго думая, приказал оседлать своего борзого рысака и перескакнул на ём через Неву два раза. Только хотел перескочить в третий раз, вдруг пришло ему в голову сказать: «Все мое да Богово». Это нужно так понимать, што вся земля «в моей да Боговой власти». Разъехался он на коне в третий раз и только хотел вот с этого самого камня, што памятник на котором стоит, перескочить через Неву, вдруг змея-то обвилась вокруг ног лошади, да лошадь и остановилась так, «на дыбах», как на памятнике стоит. Если бы Петр сказал, што все Богово да мое, так перескочил бы и в третий раз, а то он захотел быть выше Бога — «мое» поставил впереди, да Бог и не допустил третьего-то раза перескакнуть. Ну вот как он остановился на камне, такой и памятник ему поставили.

— Дядя Тимофей, кто же это тебе рассказывал?

— Покойный дедушка, царство ему небесное. Любитель был рассказывать. Бывало, как сядет куда-нибудь на «дубравку», а кругом его соберутся все «суседи да суседки», а он им и рассказывает про старину-матушку, а те развесят, бывало, уши да и слушают. Много кое-чего знал.

№ 51

Целовек молился в пустыни тридцать лет. Там и советовал будто со Святым Духом:

— Господи, кто есь меня выше?

Свят Дух сказал ему:

— В таком-то городи скоморох выше тебя. Каждной день ходит, пляшет, имеет три жоны.

Этот старец отправился в этот город и приходит к этому скомороху и выпросился ночевать. Его нету. Жоны пустили его ночевать. Он вечером приходит домой, этот скоморох. Кругом жоны его встречают, бегают и разувать стали: полны сапоги крови.

Старец и спрашивает:

— Как вы живете, душу спасаете?

— Да где же нам душа спасти? Каждной день я хожу, пляшу и имею три жоны.

Отужинали и стали спать валиться. Жоны эти положили начал и одна по праву руку, другая по леву, а третья в зголови. Утром ставают.

— Объясните мне, пожалуйста, как вы душу спасаете?

— Обуй мои-ти сапоги.

Он обул: там гвозди. Он переступить не можот.

— И живите, как вы знаёте. Господь с вами, — старец им сказал.

Всяк пляшет, да не так, как скоморохи. На старых книгах читали: последнее время пойдет; сын на отца, отец на сына от страха бежаха, и пойдет бога-тый в темную могилу, и отнето Христово слово, и будет у нас всемирная война. Все это, право, будет не то, что говоря через три года, а может быит, через 12 или 20. Китай заворует, и все забунтует.

КОММЕНТАРИИ

№ 1. Кол. 259, № 329, л. 212. Исп. Березкина Прасковья, возраст неизвестен. КАССР, Медвежьегорский р-н, д. Есино. 25 июля 1965 г. Зап. А. Ф. Некрылова, Л. М. Ивлева.

№ 2. Кол. 165, п. 12, № 30. V/176. Исп. Птичкин Степан Иванович, возраст неизвестен, колхозник, грамотный. Пензенская обл., Чембарский р-н, Тарховский с/с, с. Тархово. 15 июля 1939 г. Зап. Г. Львова, студ. 5-го курса филфака ЛГУ.

№ 3. Кол. 259, п. 1, № 377, л. 255. Исп. Платонова Дарья Петровна, 55 лет. КАССР, Медвежьегорский р-н, д. Толвуйский Бор. Июль 1965 г. Зап. А. Ф. Некрылова, Л. М. Ивлева.

№ 4. Кол. 165, п. 12, № 28—29. V/175. Исп. Акиньи́на Анна Филаретовна, 82 года. Пензенская обл., Чембарский р-н, Тарховский с/с, с. Тархово. 25 июля 1939 г. Зап. Г. Львова.

№ 5. Кол. 118, п. 5, № 8. Исп. Леонтьева Евдокия Трофимовна, 65 лет. Ленинградская обл., Лужский р-н, колхоз «Закли́нье». 10 мая 1947 г. Зап. В. А. Кравчинская.

№ 6. Кол. 259, п. 1, № 406, л. 77, с. 26. Исп. Лёвина Евдокия (Авдотья) Макаровна, возраст неизвестен. КАССР, Пудожский р-н, д. Пога. 16 июля 1966 г. Зап. А. Ф. Некрылова, С. Стратановский.

№ 7, 8. Кол. 259, п. 1, № 301, л. 212. Исп. Амелина Прасковья Васильевна, возраст неизвестен. КАССР, Медвежьегорский р-н, д. Фомино. 24 июля 1965 г. Зап. А. Ф. Некрылова, Л. М. Иванова.

№ 9, 10. Кол. 118, п. 5, № 24а, л. 8. Исп. Николаев Иван Николаевич, 76 лет, «грамотный маленький». Ленинградская обл., Лужский р-н, колхоз «Нелайский труженик». 6 мая 1947 г. Зап. В. А. Кравчинская.

№ 11. Кол. 259, п. 1, № 329, л. 212. Сведения о записи см. в коммент. к № 1.

№ 12. Кол. 259, п. 1, № 304, л. 215. Сведения о записи см. в коммент. к № 7, 8.

№ 13. Кол. 261, п. 2, № 504, л. 167. Исп. Никанорова Матрена Константиновна, 69 лет, 4 кл. образования; Воронова Наталия Васильевна, 65 лет, неграмотная. Новгородская обл., Хвойнинский р-н, Кабожский с/с, д. Кашино. 24 июля 1970 г. Зап. З. И. Власова.

№ 14. Кол. 165, п. 12, № 29. V/174. Сведения о записи см. в коммент. к № 4.

№ 15. Кол. 118, п. 5, № 23, л. 6. Исп. Андреев Марк Андреевич, 64 года. Ленинградская обл., Лужский р-н, колхоз «Нелайский труженик». 1947 г. Зап. В. А. Кравчинской.

№ 16. Р. V. Кол. 73, п. 1, № 28, тетр. № 3, с. 59. «Из Олонецких преданий и суеверий. На рыбной ловле. 1916 г.». Олонецкая губ. 3 февр. 1916 г. Зап. Василий Федорович Федорков, воспитанник Петроградской учительской семинарии, учитель.

№ 17. Кол. 259, п. 1, № 301, л. 212. Сведения о записи см. в коммент. к № 7, 8.

№ 18—20. Кол. 165, п. 12, № 30. V/176. Сведения о записи см. в коммент. к № 2.

№ 21. Кол. 259, п. 1, № 304, л. 215. Сведения о записи см. в коммент. к № 7, 8.

№ 22. Кол. 118, п. 5, № 8. Сведения о записи см. в коммент. к № 5.

№ 23. Кол. 118, п. 5, № 24а, л. 1. Сведения о записи см. в коммент. к № 9, 10.

№ 24. Кол. 118, п. 5, № 24а, л. 5—6. Сведения о записи см. в коммент. к № 15.

№ 25, 26. Кол. 259, п. 1, № 301, л. 212. Сведения о записи см. в коммент. к № 7, 8.

№ 27. Кол. 259, п. 1, № 304, л. 215. Сведения о записи см. в коммент. к № 7, 8.

№ 28. Кол. 118, п. 5, № 23, л. 6—9. Сведения о записи см. в коммент. к № 15.

№ 29. Кол. 73, п. 1, № 30, тетр. 4, л. 79—83. Сведения о записи см. в коммент. к № 16.

№ 30. Кол. 261, п. 2, № 504, л. 136. Исп. Зверькова Александра Фадеевна, 87 лет, неграмотная. Д. Ст. Бугры. 22 июля 1970 г. Зап. З. И. Власова.

№ 31. Кол. 73, п. 1, № 38. Сведения о записи см. в коммент. к № 16. Заонежье (дополнения собирателя к текстам).

№ 32. Кол. 73, п. 1, № 16. См. коммент. к № 31.

№ 33. Кол. 165, п. 12, № 30. V/176. Сведения о записи см. в коммент. к № 2.

№ 34. Кол. 118, п. 5, № 24а, л. 6—8. Сведения о записи см. в коммент. к № 9, 10.

№ 35. Кол. 165, п. 12, № 26. V/171. Исп. Храмова Мария Ивановна, 67 лет. Пензенская обл., Чембарский р-н, г. Чембара. Июль 1939 г. Зап. Г. Львова.

№ 36. Кол. 118, п. 7, № 38. Исп. Васильев Василий Андреевич, 65 лет. Ленинградская обл., Красносельский р-н, д. Большие Горки, колхоз «Воля пахаря». Январь 1947 г. Зап. В. С. Розанова.

№ 37, 38. Кол. 118, п. 5, № 8. Сведения о записи см. в коммент. к № 5.

№ 39. Кол. 118, п. 5, № 24а, л. 7. Сведения о записи см. в коммент. к № 9, 10.

№ 40. Кол. 12, п. 2, № 16. Исп. Кобелева Татьяна Осиповна, 70 лет. Северный край, Архангельская губ., Пинежский у., д. Юбра на р. Пинеге. 1921 г. Зап. О. Э. Озаровская.

№ 41, 42. Кол. 259, п. 1, № 328, л. 211. Сведения о записи см. в коммент. к № 1.

№ 43. Р. V. Кол. 73, п. 1, № 28, тетр. № 3, с. 45. Сведения о записи см. в коммент. к № 16.

№ 44. Кол. 259, № 329, л. 212. Сведения о записи см. в коммент. к № 1.

№ 45. Кол. 259, п. 1, № 377, л. 255. Сведения о записи см. в коммент. к № 3.

№ 46. Кол. 259, п. 1, № 406, л. 77, с. 28. Сведения о записи см. в коммент. к № 6.

№ 47. Р. V. Кол. 73, п. 1, № 31, тетр. № 3, с. 45. Зап. 4 ноября 1915 г. См. также коммент. к № 16.

№ 48. Р. V. Кол. 73, п. 1, № 27, тетр. № 1, с. 50—52. Зап. в 1916—1917 гг. См. также коммент. к № 16.

№ 49. Р. V. Кол. 73, п. 1, № 31, с. 22. Зап. 4 ноября 1915 г. См. также коммент. к № 16.

№ 50. Р. V. Кол. 73, п. 1, № 27, тетр. № 1, с. 12—15 (вариант: № 28, тетр. 2, с. 12—15 (1916—1917 гг.)). См. также коммент. к № 16.

№ 51. Кол. 12, п. 2, № 14. Сведения о записи см. в коммент. к № 40.